

ИВАН ЗОРИН

**ПИСЬМО
БЕЛОРУССКОМУ
ДРУГУ**

Москва
Издательский дом
«Пегас»
2011

УДК 32(323+327)

ББК 66.2

З-86

Зорин Иван

З-86 Письмо белорусскому другу. –
М.: ИД «Пегас», 2011. – 146 с.

ISBN - 978-5-4253-0098-0

Сборник публицистических статей известного московского писателя Ивана Зорина посвящён настоящему и будущему цивилизации, современному положению России и Беларуси. Обращён ко всем, кому небезразлична их судьба.

В сборник вошли статьи за 2001–2011 гг.

32 (323+327)

ББК 66.2

ISBN - 978-5-4253-0098-0

© *Иван Зорин, 2011*

ЭКОНОМИКА КАК РЕЛИГИЯ

«В деградации заложена надёжность», – писал Лоуренс Аравийский. И его слова дают ключ к пониманию того, почему в современном мире торжествует религия с самым простым в человеческой истории кодексом. «Прибыль, – гласит его единственная заповедь, переиначившая известный тезис Протагора, – есть мерило всех вещей»*. В этой чёрно-белой модели, отдающей манихейством, мир становится как на ладони, экономическая мерка делает его прозрачным и ясным. Руководствуясь критерием эффективности, теперь каждый может разобраться во всех проявлениях человеческого гения. Непостижимость бытия больше не пугает, в отличие от Сократа «гомо экономикус» знает всё. Свод экономических рекомендаций вроде маоистского цитатника позволяет легко ориентироваться в потерявшем загадочность мире.

И в этом его психологическая привлекательность.

Идеология не терпит пустоты, и в постхристианском обществе господствует не безверие, а разновидность материалистической религии. Как и любая другая, эта «религия как бы» имеет разработанную обрядовость. Сакральный характер в ней приобретает акт потребления и ярмарочная мистерия. Храмом при этом становится супермаркет, иконой – рекламный щит. Постхристианские ритуалы искусно имитируют чужие традиции: шопинг заменил паломничество, а роль причастия отводится покупке. Инфляция, дефицит, инвестиции – жреческая

* «Человек есть мерило всех вещей», – считал Протагор.

терминология, которую мы ежедневно слышим с телевизионных кафедр, волнует не меньше, чем отпущение грехов и спасение души. «Возлюби ближнего», – требует христианский императив. «Мы только партнёры», – провозглашает религия экономистов, требующая коммерциализации отношений.

В старые мехи наливают молодое вино: оракулов и пророков сменил бизнес-план, Вселенские соборы – форумы в Давосе. Сегодняшний мир с замиранием слушает энциклики экспертов, инвестиционные индульгенции которых отправляют в ад или рай. Даже домохозяйки видят теперь корень неблагополучия не в кознях дьявола, а в падении национальной валюты.

Религия рентабельности по-своему открыла загадку мироздания, её последователи, как и все обретшие веру, избавились от мучительных сомнений, выстроив понятную шкалу ценностей. Неуловимые до сих пор категории, выраженные в суммах всеобщего эквивалента, допускают арифметическое сравнение.

И от этого исповедующие «экономизм» получают психологические дивиденды.

Современную вариацию поклонения золотому тельцу отличает масштабность. За исключением эпизода в Синайской пустыне никогда ещё ей не предавались с такой страстностью, никогда она не становилось образом мышления. Миллиарды тайных и явных её сторонников и в эту минуту сгрудились у алтаря прилавка. Призрак древней религии победоносно шагает по миру – не ислам и не буддизм, а именно религия экономистов сегодня самая массовая.

И что такое глобализация, как не её прозелитизм?

Вначале правили воины, им на смену пришли священники, теперь выбор пути определяет бухгалтер. Первые обожествляли меч, вторые – трансценденталь-

ность, третьи – кошелёк. У каждой власти своё оружие, и каждая отрицает предшественницу: средневековые епископы налагали епитимью на воинов, убивавших врагов, экономические пастыри больше не видят смысла в строительстве церквей. Но история склонна к повторениям, и, когда, сметая всё, как фишки настольной игры в «монополию», снова придут воины, цикл завершится.

«ЗОЛОТОЙ» МИЛЛИОН

Платон считал, что государство, в котором доходы граждан разнятся в три раза, обречено на гибель. Современная же Россия являет пример страны, в которой этот показатель превышен в десятки раз. Миллион её жителей видит бедность только из окна автомобиля, остальные живут за её чертой. Одна стопятидесятая часть населения, образуя государство в государстве, существует в-себе-и-для-себя, развиваясь по своим законам, подчиняясь внутреннему укладу. Она включает чиновничество, верхушку бизнеса, криминалитета, обслуживающую их журналистику, творцов массовой культуры, руководство всех политических партий, в том числе и оппозиционных. Заработная плата в этих сферах сравнима с европейской, здесь царят космополитизм и ориентация на западные ценности. Миллион – это вполне достаточно, чтобы жить своим кругом, разделяя интересы сплочённой касты, игнорируя остальных, которым отводится роль крестьян у парадного подъезда.

Нас уверяют, что в России растут экономические показатели, но львиная доля доходов, получаемых от высоких цен на нефть, оседает в карманах «золотого» миллиона. Население страны за истекший год сократилось на пятьсот тысяч, но «золотой» миллион не уменьшился, скорее наоборот – он разрастается, как опухоль, съедающая организм. Тотальное расслоение общества привело к тому, что одни на личных самолетах летают в Куршавель – баки их самолетов заполнены слезами! – другие экономят на троллейбусе. За последнее десятилетие Россия

прошла путь от социализма, через хищнический капитализм, к индустриальному феодализму. В такой ситуации представляется вероятным развитие событий по украинскому сценарию, если Запад решит переменить нашу кукольную власть, он легко выведет народ на улицы. И наши политики с психологией калифов на час это понимают, отсюда их испуг перед «революцией пенсионеров» – испуг стрекозы перед первыми заморозками.

Поддерживая вертикаль власти, народ справедливо надеялся на усиление роли государства, на укрепление его международного авторитета, а выстраивалась она с единственной целью – закрепить имущественное неравенство, усилить налоговое бремя, проведя коммунально-жилищную реформу, введя платное образование и здравоохранение. Отражая имущественную пирамиду, властная вертикаль направлена на поддержание уродливой системы, возникшей после девяносто первого года, её единственное назначение – оставить без изменения тот вопиющий раскол, при котором миллион борется за высокие доходы, остальные – за выживание.

Третий Рим сегодня всё больше напоминает Византию, в которой элита располагалась ближе к небу, чем к земле. Но в России живут миллионы, воспитанные на идее социального равенства, и «золотому» миллиону необходимо вытравить память об этом, создать впечатление, будто богатые и бедные были всегда. На это, в частности, направлена отмена праздника Октябрьской революции – факт имущественного расслоения должен стать у грядущих поколений таким же непреложным, как вращение Земли. Самовыдвиженцы девяностых последовательно проводят политику поездных шулеров: вначале, не давая опомниться, они присвоили чужое, теперь заставляют забыть о случившемся. Но их шаги приведут к мифологизации СССР, который на фоне дальнейшего обнищания и геополитических неудач будет восприниматься золотым

веком, а замалчивание прошлого выльется в то, что советский строй станет символом братства и справедливости. И эта легенда об утраченном рае не лишена оснований, мы все ощущаем, что девяносто первый год был шагом назад, что переход от плановой экономики к либерально-рыночной, капитализация жизни, повлекшая жёсткую имущественную иерархию, стали возвращением к изжитому. Совершив историческое предательство, мы публично расписались в ошибках отцов и дедов, признав их жертвы напрасными, посчитав кровь, пролитую ими на алтарь всеобщего равенства, всего лишь водой, которая пролилась на мельницу неудачного эксперимента.

Если один человек сделал себя сам, это может вызывать уважение или улыбку, если целый класс – это трагедия. После бурных девяностых, как и в любое смутное время, всплыли наиболее хваткие и не обременённые моралью. От таких не дожидаться раскаяния, и нам ещё долго предстоит видеть их лица на обложках гламурных журналов. Мёртвые иконы советского периода сменили живые «звёзды», на экранах сегодня безраздельно господствуют сериалы про «красивую», но чужую жизнь, к которой нам позволено прикоснуться лишь виртуально. Приучая к сложившемуся порядку, к тому, что в России живёт один «золотой» миллион, нас изо дня в день кормят искусством, не имеющим к нам ни малейшего отношения.

Коллективное сознание поражено, и, пока не исправить этот вывих, общественный организм не наладится. Как объяснить детям, что красть безнравственно, если на их глазах процветают ограбившие их отцов? У эпохи приватизации есть начало, но нет конца: когда обворованные и воры живут бок о бок, когда первых призывают простить, а вторым рукоплещут, нация находится в состоянии распада, от которого не спасёт ни одна вертикаль.

НЕИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Меня, помнится, неприятно поразило признание Кестлера, что в юности он долго размышлял, к какому общественному движению примкнуть. Ему было в ту пору меньше двадцати. Когда я читал его интервью, мне шёл тридцатый, однако то, что в жизни невозможно пробыть в одиночку, ещё не стало для меня аксиомой. Я и по сей день считаю, что интеллигент должен быть наивен: ведь он задержавшийся в житейском развитии ребёнок. Человек адекватный, человек «бытовой» хорошо усвоил законы мира – своего места и времени. Но чтобы творить новое, нельзя чересчур углубляться в старое, нельзя принимать сложившиеся формы. Настоящее застит свет. Сотворивший нас был решителен и смел – Его не устраивала царящая вокруг тьма.

Интеллигент не может быть ни конформистом, ни обывателем. Он хранит незатёртым данный каждому при рождении идеал – недостижимо высокую мерку бытия. Как моряк, ведёт он свой корабль, постоянно сверяя курс, сравнивая блики на волнах со светом звёзд. Неуклюжий и беспомощный, он, по выражению Торо, шагает не в ногу, потому что слушает иного барабанщика, гадкий утёнок, вызывает насмешки и раздражение. В подавляющем большинстве такие люди проходят по жизни тихо, их единственная награда – творчество с его муками и озарениями. Они производят обманчивое впечатление бесполезных, им отводят статус белых ворон, общественного балласта. На самом деле природа обрекла их на жертву, именно они – камертон, колокол, соль земли.

Человек – сознающее свою бренность животное. Интеллигент ощущает её особенно остро. Он чаще других обращает взор к небу, сквозь пелену суеты наблюдая звёзды. Лучшие времена отводят ему деятельную роль, худшие – роль созерцателя.

Любое движение совершается прежде в умах. Цензор общественного мнения, интеллигенция призвана быть заслонкой от пошлости. Но чтобы беспристрастно судить, нужно иметь чистое сердце. Бескорыстие и жалость к ближнему – имманентные качества интеллигента, цинизм и чёрствость ему противопоказаны. Сейчас в эпоху поверженных пастырей, когда пророков сменили эксперты, а великих грешников – мелкие греховодники, неподкупность не в чести. Господа, вещающие нам с экрана, все эти говорящие головы, чей идол – Герострат, а призвание – скандал, не могут быть поводьями, хотя бы потому, что сами идут на поводу низменных страстей, угождая дурным наклонностям, коренящимся в любом народе наряду с возвышенными. Так неспособный педагог, добываясь авторитета, подыгрывает своеволию школяров. Горе государству, где у власти люди с неправильными взглядами! «В устах правильного человека и неправильные слова становятся правильными, в устах же неправильного искажаются правильные», – говорят китайцы. Если недостаток образования ещё можно компенсировать, то отсутствие совести – нечем. Эгоисты неисправимы, а главное, они не внушают доверия.

Интеллигент всегда одинок. Метафора Шопенгауэра /если «интеллигент» и «философ» синонимы/ уподобляет их орлам, усевшимся на вершины духа. В среде сегодняшних их представителей модно сбиваться в голодные стаи. К тому же наши законодатели вкусов посредственны, их горизонт – сиюминутная выгода. Они говорят больше, чем есть сказать, а правда выступает для них ветвью лжи. Пасынки культуры, чей удел стариться в

журнальных баталиях, они не видят будущего, их ирония продиктована равнодушием.

В эпоху всеобщей провинциализации, когда Россия уверенно ступает по пути культурного придатка Запада, русский язык переживает процесс варваризации и плебеизации. Наряду с тотальным косноязычием изощряются формы пустого витийства, которое попирает содержание и здравый смысл. Язык обрёл черты самодовольства, самодостаточности, ширится практика пространственных вопросов и уклончивых ответов, диалог больше не подразумевает выяснение истины. Быть может, демократия с неизбежностью влечёт демагогию? Было бы интересно раскрыть технологию обмана, секреты ремесла, позволяющего столь успешно манипулировать огромным населением страны. Очевидно, это целая система недомолвок, передёргивания, лукавых намёков, это потоки сплетен и незаметно подставленных слов. На эти ухищрения, на развитие этой злоречивой механики также тратятся силы интеллигенции. И творцы мертворождённых слов не замечают, что сами уже мертвы, ибо дни наши умирают раньше нас.

Моральный кодекс для интеллигента выше уголовного. Сейчас, когда можно всё, что не запрещено, сдерживающим началом выступает только последний; но внешний регулятор не заменит внутреннего. В законах всегда сыщутся лазейки, если хромает нравственность. «Их нравы рождены законами», – писал Шатобриан об американцах. Но у наций, имеющих прошлое, законы – производная от нравственности.

Хотя после разгула ельцинизма и наблюдались симптомы отрезвления, десятилетие разбазаривания, похоже, не сменилось веками обустройства. Неизвестно, насколько прочно укоренится в общественном сознании мысль, что Россия – это один язык, одна культура, одна кровь. Ясно одно: основная роль здесь отводится

интеллигенции – интеллигенции, не взирающей на разруху с высоты каприйской горки, но в благодарность родному языку и сформировавшей её культуре готовой разделить со своим народом тяготы и выпавшие на его долю несчастья.

Однако то, что мы видим, не вселяет оптимизма. Наши духовные лидеры озабочены лишь собственным благополучием, наши деятели искусства ориентированы на скорейшее размывание традиционных эстетических ориентиров. У них отсутствует внутренняя цензура, сняты все нравственные табу, они способны лишь разрушать, действуя по принципу «после нас хоть потоп». Со сцены Большого давно сошли «Князь Игорь» и «Борис Годунов», их заменили «Дети Розенталя», где Мусоргский и Чайковский на блатной фене проповедуют привокзальным бомжам. На глазах миллионов обсуждаются достоинства книг, которых бы постеснялся маркиз де Сад, на телевидении сонмище ангажированных шарлатанов изо дня в день внушают, что в стране Достоевского и Толстого нет никого талантливее акуниных и марининых. Кумовство отвратительно в любой сфере, но в духовной – втройне. А в сегодняшней России, всё больше скатывающейся к эпохе феодализма, оно процветает: одни и те же лица мелькают на экране, авторы одной телевизионной передачи приглашают к себе авторов другой. При этом «звезда» шоу-бизнеса рассуждает о политике и праве, журналист вершит судьбы российской культуры, а банкир разрешает религиозные вопросы. Судите их по делам их. В СССР был написан «Тихий Дон», снят «Сталкер», создана «Ленинградская симфония», в нынешней России подобное невозможно – работники духовной нивы носятся с коммерческими проектами, соревнуясь, кто лучше покажет грязное бельё.

И конца этому не видно.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РОССИИ

ЗАКАТ РУССКОЙ ИДЕИ

В Бельгии марокканец убил потомка Ван Гога, снявшего непристойный фильм о женщинах-шахидках. Мусульманин не скрывал своих мотивов – он ответил обидчику, оскорбившему невест Аллаха. При этом он действовал в чужой стране с древними христианскими традициями, по сути, на вражеской территории. Его руку никто не направлял, ею водили оскорблённое достоинство и попранное чувство верующего. Этого человека, постоявшего за ислам, вряд ли можно причислить к террористам, продумывающим шаги, здесь налицо спонтанный ответ на брошенный вызов. В России за последние двадцать лет народ получил столько пощёчин, что их бы с лихвой хватило на всё татаро-монгольское иго. Его унижают, на его прошлое выливают ушаты помоев, топчут его святыни. И на сто сорок миллионов не нашлось никого, кто бы постоял за честь нации, у кого бы праведный гнев пошёл дальше слов! Сколько бы ни тужились думские лидеры, примеряя убитым членам своих фракций венец политических мучеников, ясно, что в России не совершено ни одного политического убийства, по идеологическим причинам не пострадал ни один человек. В подоплёке всех громких «заказных» преступлений, которых насчитываются сотни, лежат деньги, коммерческая деятельность, передел собственности.

Когда же дело касается иного, нация проявляет поразительное безразличие.

Похоже, из народа вышел дух, превратив его в безвольное, пассивное население.

Все видят, как министр культуры уничтожает Большой театр, как распинаят вековой символ России постановкой на его сцене низкопробной пошлятины, и это сходит с рук. Я не говорю о реакции властей – от них ждать не приходится, они заняты монетизацией и укреплением своей вертикали, – удивляет другое. Создаётся впечатление, что люди, оскорбившие целый народ, уверены в своей неприкосновенности, словно они ступают не по русской земле, а по Марсу. Или они знают, что русский народ всегда безмолвствует? Из идейных соображений были убиты Плеве, Столыпин и Александр II, а они позволяли себе гораздо меньше. Им и в голову бы не пришло, как иным современным политикам, делать заявления, порочащие нацию, им и в кошмарном сне не приснилось бы проводить геноцид собственного народа. Нужно признать собственное вырождение – девяносто девять процентов не разделяет курса правительства, а терпит. Мы давно превратились в нацию добровольных страдалцев, лишённую иммунитета против тотального ограбления, точно заражённые особой разновидностью СПИДа, мы утратили коллективный инстинкт самосохранения. Аморфное, рыхлое общество, где каждому нет дела до соседа, держится лишь на клейкой ленте СМИ. А человеком массмедиа легко манипулировать, он становится чистым листом, на котором пишутся любые законы. Теперь в России осуществляется особая форма управления – управление через хаос. Есть ли будущее у такого народа? Ясно, что оно будет достойно его настоящего.

Градус пассионарного нагрева в российском обществе сегодня близок к нулю, а это значит, что этнос всту-

пил в фазу обскурации и его дальнейший распад необратим. На глазах происходит вытеснение славян выходцами с Кавказа, только азербайджанцев в Москве почти два миллиона. Это методичное выдавливание ощущается коренным населением, как нашествие варваров, которому коррумпированное, этнически выродившееся чиновничество открывает зелёную улицу. А когда каждый озабочен лишь собственным карманом, говорить о привнесении в мир особых русских идей не приходится, эра нашей духовной экспансии – будь то прозелитизм православия или коммунизма – кончилась.

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА

СССР был богатейшей сверхдержавой, накопленного хватило на десятилетие, и власть не трогала народ, предоставив его самому себе. Низы смотрели на разграбление страны сквозь пальцы: они никогда не владели тем, что на их глазах приватизировали, всё было общим, а значит ничьим. Теперь же, когда казна опустела и общественные угодья уже прибраны к рукам, верхи принялись за частное имущество. Вот истинная подоплёка проводимой сейчас жилищно-коммунальной реформы. Насколько же надо не любить свой народ, чтобы в обедневшей стране принимать законы, позволяющие высылать из квартиры за задержку непосильной, составляющей львиную часть семейного бюджета, квартплаты, увеличивая и так огромную армию бомжей! И это при сокращении населения в год на миллион! И это при высоких ценах на нефть, когда нефтедоллары текут в карманы узкой группы плутократов! Можно было бы отдать последнюю копейку – покупали же во время Отечественной войны наши отцы и деды облигации государственного займа, – однако знать, что твои кровные

пойдут на строительство очередной виллы или покупку заграничного футбольного клуба – невыносимо.

Россия – страна победившей бюрократии, когда миллионы обслуживают горстку разбогатевших самозванцев. В общественных отношениях мы откатились на сотни лет назад, вернувшись в эпоху феодализма. «Новые русские» развлекаются в Куршавеле, покупают дома в Испании и Флориде, а в царской России аристократы проводили время на водах Баден-Бадена и веселились в Париже, пока на них гнули спину российские крепостные. Словно сидевшая на ветке птица взмахнула крыльями, а потом снова села, сложив их. Отличие, пожалуй, лишь в том, что аристократы свой титул наследовали, а сегодняшние нувориши попали из грязи в князи, демонстрируя высокомерие дорвавшихся до власти лакеев. Российская «элита» живёт обособленным, замкнутым кругом, демонстрируя абсолютное презрение к народу, с которым у неё нет ничего общего.

Если прежняя власть, со всеми её престарелыми генсеками и партийными съездами, вызывала смех, то нынешняя – ненависть.

Масштабы национальной трагедии трудно переоценить. Продолжительность жизни у мужчин сократилась с 70 лет до 57, при этом пенсионный возраст планируют увеличить с 60 лет до 65. Россия вышла на первое место по суицидам, в том числе детским, налицо невротизация общества, и, как следствие, рост числа психических заболеваний – по разным оценкам от 10 до 30 процентов населения подвержено душевным недугам. Российское общество глубоко больно – подорваны его духовные основы, и это сказывается на всём. Семейные отношения сводятся теперь к совместному просмотру телевизора, круг общения ограничивается деловыми партнёрами. На этом фоне особенно тягостными выглядят праздники, которых, ввиду отсутствия трудовой

политики, стало больше и которые, ввиду нищеты, наполняют бытовым пьянством.

Чтобы вытравить память о социальном равенстве Дума отменила недавно праздник Октябрьской революции, перечеркнув традицию трёх поколений. В России всё можно! Разработчики антинародного, удушающего жилищного кодекса красуются перед телекамерами, чувствуя себя героями, не опасаясь справедливого возмездия. Полным ходом идёт реформа образования. При этом её инициаторы признают, что советская система школ и университетов была лучшей в мире. Так зачем же её реформировать? Перестройка здравоохранения, уничтожившая прежнюю систему, основанную на всеобщей профилактике заболеваний, привела к агонии бесплатной медицины, возродив практику земских врачей и частных клиник, которые не по карману 90 процентам населения. Эти новшества, конечно, не заденут семьи реформаторов, а принимать законы, по которым самим не жить, просто.

Наши неспособные управленцы списывают всё у американцев. Как двоечник у отличника, не задумываясь, что у нас совсем другое задание. А в результате строят африканскую страну. Подавляющая часть русских живёт на грани нищеты, заводы стоят, деревня спивается. И это на фоне демографического коллапса! При таком положении провинция справедливо ненавидит столицу, питая сепаратистские настроения. Даже казачество мечтает об отделении, не говоря о национальных автономиях, Дальнем Востоке и Сибири. Ясно, почему на дальнейшее сближение с нынешним режимом не идут Украина и Беларусь. Оно привело бы к скупке их предприятий российскими олигархами, управленческие способности которых наглядно демонстрирует состояние нашей экономики. В отсутствие нефти и газа уровень жизни в Беларуси такой же, как в России, в Эстонии он

в два раза выше, а Украина обгоняет нас по темпам роста, как и Казахстан. И каких улучшений можно ждать, когда у власти по-прежнему находятся выскочки эпохи перестройки, которые умеют лишь разрушать и беззащитно наживаться на катастрофе.

Что бы ни говорилось об удвоении ВВП, об экономическом росте, очевидно, что страна живёт на нефтяном пайке и рухнет вместе с падением цен на чёрное золото или с его исчерпанием через двадцать лет. Это крайний срок территориального распада, население к тому времени не будет превышать ста миллионов, которые будут делить на карте несколько сжимающихся лоскутьев российской шагреновой кожи.

МОНАСТЫРЬ ИЛИ БОРДЕЛЬ?

Когда нет единой идеологии, в России из каждого угла проступает бес. Её главный парадокс заключается в том, что чем лучше в ней живёт личность, тем хуже – народ. И наоборот, относительное процветание масс, как это было при Николае I и позднем СССР, совпадает с ужесточением режима и гонениями, которые вызывают протест интеллигенции, особенно остро чувствующей давление на свои права. В такие периоды каждый становится анархистом, все жаждут свободы, стремясь вырваться из удушливой атмосферы общины.

В этом смысле менталитет России близок средневековому.

Демократия по-русски свелась к замене советского монастыря постсоветским борделем. Ситуация для России не новая. Её история – это постоянные колебания между европейским либерализмом и азиатской государственностью. Так было после царствования Александра I и провальных реформ Сперанского, закончившихся

выступлением декабристов, которым пришла на смену жёсткая бюрократия Николая I. Через тридцать лет произошёл откат, и Александр Освободитель, пошедший на поводу у либеральных настроений своего поколения, выросшего при диктатуре его отца, получил бомбу в свою карету. Александр III снова закручивает гайки. Свобода при слабом и безвольном Николае II обернулась анархией гражданской войны. А потом был Сталин, которого сменили творцы сегодняшней перестройки. Что бы ни говорилось, Россия вступила на политическую арену как военная демократия и потому, как говорил Константин Леонтьев, «словно студень, хорошо чувствует себя в подмороженном состоянии, а при потеплении сползает со стола». Однако нынешнее поколение, похоже, не способно поддержать славу отцов, а стало быть, русские как одна из планетообразующих наций обречены.

Выросшего за железным занавесом советского человека, отгороженного тоталитарным режимом от принятия решений, обмануть было легко. Но обмануть народ в целом было невозможно. В демократическом обществе, предоставляющем на бытовом уровне свободу выбора, обмануть отдельного человека трудно, а массу – легко. Достаточно заполнить телевизионный эфир говорящими головами и пустить побольше лёгкой музыки. Поэтому прежняя и нынешняя власть представляются как сердитая, вечно грозящая пальцем мать и весёлая, беззаботная мачеха. Строгие, надутые лица генсеков, от которых было не дожидаться лишнего слова и которые читали по бумажке свои скучные речи, и правители новой формации, которые разрушают с улыбкой. Однако лучшие на Руси по-прежнему остаются лишними, процветают серость и негодяйство, на каждом успешном – маска злой посредственности.

В современной России можно существовать, но жить – невозможно.

МЕТАФИЗИКА СТУПОРА

В истории народа, как и в истории отдельной личности, наступают моменты осознания самого себя, своего предназначения, своей судьбы. В такие мгновенья нации открывается неповторимый, присущий ей одной мир, и она замирает, ощупывая своё будущее, которое соткано из прошлого, беззащитная, как сбросившая кожу змея. Это вглядывание в реку минувшего в надежде увидеть своё всплывающее лицо, это необходимое осознание собственного бытия опасно – в очереди к солнцу цивилизации работают локтями, и молчание одной растворяется в гуле разноязычных голосов.

Мы переживаем нечто подобное. Перебесившиеся дети, мы застыли в растерянности, и происходящее – не слепок нашей нищеты, как нас пытаются уверить, но – оскудения сакрального. Отвергнув красных пастырей и слепых поводырей, сделавших имя на идеологических поставках в холодной войне, дремлющие в нас богоборчество и неизбывная жажда Бога ищут новые ориентиры, очертания, формы. Дух нации, как он представляется из истории и как его преломляет осколок каждого «я», витает над пустынными водами, ища островок, опору для созидания. А у бездны своя диалектика, свой философский подтекст: динамика предполагает статику, движение – покой. Россия переживает ныне возвращение к истокам, озираясь по сторонам, примеривает символы с чужого плеча, обнаруживая свою инаковость, своё одиночество. Мы другие. Но мы боимся быть другими. В любом из нас сидит цензор, оберегающий

неполноценность, камертон, сверяющий пульс с чужеродными ритмами. Упрёки в провинциализме веками заставляли нас жить с оглядкой – в эпоху французской моды, англomanии или сна за железным занавесом, когда кухни пропитывались ароматом далёких кумирен, а каждая домохозяйка постигала экзистенциализм, используя рецепты от чужой болезни. Нет пророка в своём отечестве: Иван Плотников меркнет перед Джоном Карпендером*. Современники Достоевского носились с тенью Шопенгауэра и отзвуками Ницше, мы верим откровениям Дерриды и Хайдеггера, полагая, что в их строках дремлет наше будущее. Но будущее, как и прошлое, у каждого своё, гуманитарная мысль прикована к этнической системе координат. Ловя гаснущее эхо, мы с беспощадным упрямством стесняем себя и своих прозрений, не уставая искать ответы в лицемерной пестроте нобелевских речей, в прилизанных академизмом банальностях или вульгарности американизма. Обманчивая выгода настоящего несёт забвение отечественной классики, искромсанные цитаты Толстого и каскад заокеевизмов – отцы американской демократии стали отчимами русской культуры. Под видом технократической неизбежности сиюминутность и пропаганда утверждают эстетику комиксов: реализм повержен болтовнёй шарлатанов из лавки постмодернизма, музыку вытеснил мюзикл. Кто побойчее и поталантливее, ушли в духовную эмиграцию, добровольную ссылку, искреннее, экзальтированное попугайство, оставляя патриотическое поле ортодоксам, карающим именем традиции. Но доморощенность оскверняет не меньше продажного профессионализма, грубое прикосновение отторгается.

Заблудившиеся в дебрях политической фразеологии, мы не узнаём себя ни в холодной системе принудительного уравнивания, ни в кривом зеркале демократии.

* Карпендер – от английского carpenter, плотник.

Точно беспризорные дети, мы не смеем расписаться в сиротстве, продолжая искать потерянного родителя. Замурованные в самих себе, одинокие, несчастные, отверженные, мы жаждем диалога, признания мира, не получив – обиженно отворачиваемся, грозя ему. И это несёт облегчение, мы бессильны против равнодушия, беззащитны против холодного безразличия и отстранённой вежливости. Наша замкнутость часто выплёскивается сумасбродством, шутовством, кровью, трагедией. Мы трубим о самобытности, уникальности, а между тем лозунги своих революций заимствуем из второразрядных западных теорий, а наготу хозяйствования прикрываем фиговым листком чужих экономических школ. Эта раздвоенность, метания между безудержной ксенофобией и неуёмным низкопоклонством идут от неведения своего места, мы чувствуем на себе влияние мира, но не видим обратной связи, смущённо подозревая её незначительность. А этому противится наша мессианская закваска. Мы охотно кладём жизни миллионов соотечественников на алтарь Человечества, мы готовы наполнить собственной кровью копилку его исторического опыта, но обустроить дом у нас опускаются руки. Мы – герои катастроф, призванные масштабными катаклизмами, блаженные, посетившие мир в роковые минуты. В иные – нас съедает тоска, томит скука, мы начинаем пить не для отваги действия, а чтобы забыться, спастись от жалкого прозябания. Мы становимся пошлостью, подтрунивая над своей медвежьей неуклюжестью, над бессмысленностью бытия, сравнивая свой образ с одним нам ведомым идеалом, завидуя другим его карикатурным воплощениям. Да, мы такие, какие есть, школяры, сдающие экзамен, доказывающие себе и миру право быть собой. Российская Империя рухнула под бременем народовольческого сарказма и косых взглядов либералов, СССР задохнулся от иронии и

презрения к себе. Запертые в скорлупе надежд, в лабиринтах отчаяния, отрезанные от себя, несколько последних десятилетий мы жили в перевёрнутом мире: наше законопослушание воспитывалось на сценах бунта, стены правительственных зданий украшали картины революций. Похожее было у французов, с их термидорами и брюмерами, но отрезвление Ватерлоо пало у нас не на строителей оранжереи, а на её питомцев. Оболганные и непонятые, мы загнали себя на обочину, в подземелье – благими намерениями устлана дорога в ад, встать с головы на ноги всегда болезненно.

Любое путешествие предполагает возвращение, восхождение к чужим мифам – всегда одиссея. Достучаться до самих себя, вопрошать о своей сути, снова и снова пытаться об истоках, о безликом, едином начале – вот загадка российского сфинкса. Ухватившись за иллюзию ответа, точно за хвост жар-птицы, Россия рывками решала технологические, социальные задачи. И теперь, пока одна часть интеллигенции считает Россию недопониманием, культивируя неверие в её способности, а другая горячо защищает право на существование, упиваясь растаявшим величием, несамостоятельной самостоятельностью и разглагольствуя на тему пресловутого русского характера, безмолвствующий народ медленно выбирает торную, одному ему ведомую тропинку. Ручеёк российской витальности упёрся в запруду и теперь скапливается, чтобы, прорвав, разлиться половодьем. Затерянные среди бескрайних равнин, отрезанные суши, без организующего воодушевления мы впадаем в летаргию, вырождаясь в население. Без указующего перста, без отклика государства народ безропотно гибнет под скальпелем реформ, бьётся в сетях невосребованности. Но в его недрах таится грозное, растительное самоощущение, невыраженная мощь, простодушная, движущая горы вера. Зная «зачем», он стерпит любое

«как», коренящееся в нём самоотречение всегда оплачивало проблеск истины. Разновидность иммунитета, эти качества сохранились у великороссов, несмотря на их вытравливание под личиной интернационализма или десоветизации.

В центральных областях николаевской России не подозревали о существовании чего-то нерусского, неправославного, выходящего за пределы сказок, где иноверцев скрывала вывеска «басурман». «Победит *тех* царей наш царь?» – вопрошают гоголевские помещики, и это – глас вопиющих в пустыне. Сегодня бесконечно довлевшая география отступает, сужается, сближаются континенты, и мы с удивлением слышим русскую речь, разбавленную разноплеменным хором. Пробив информационную крышу, нарушив привычную уединённость, страны непрошено гостят в нашем доме. И невольное сравнение с ними пробуждает самосознание куда больше бессмысленных толков о нашей непохожести, особенности, исключительности.

Принято считать, что излишняя самоуглублённость мешает творить реальность, а навязчивая озабоченность национальной избранностью – признак лени и творческого бесплодия. Нам же, наоборот, всегда недоставало концентрации, пристального взгляда в себя, наша исключительность то высмеивалась, то замалчивалась, то забалтывалась. Мы исправно несли крест историообразующей нации, одинаково снося рукоплескания и проклятия, и, быть может, впервые за долгие годы небеса отвели нам время на поиск себя. Оно необходимо нам, как воздух. И в этом наше коренное отличие от европейских позитивистов. Они думают, что к миру можно приспособиться, подчинить, переделать, мы – что его можно лишь искупить. Поэтому мы переживаем его боль глубже и острее, поэтому наши падения ужаснее, а взлёты головокружительнее.

Со стороны мы производим впечатление маятника, сбившегося с такта и теперь бессильно болтающегося то туда, то сюда. Кажется, что мы топчемся на месте, поражённые оцепенением, параличом воли. Но это не так. Мы движемся, преодолевая самый трудный путь – путь к себе. Отряхивая прах советского ковчега, Россия вырабатывает новую философию, новое кредо, чтобы со своим лицом войти в цивилизацию фарисеев, где национальную пестроту прикрывают обманчивые зовы экономической глобализации и миф об унификации мира. В этом тайный смысл происходящего, из осмысления поражения рождается стратегия победы.

Мы такие, какие есть. Надо пройти через самоуничтожение и гордыню, через вселенские замашки и жгучий стыд, через самобичевание и ниспровержение, чтобы прийти к этой формуле.

ИНТЕРВЬЮ С САМИМ СОБОЙ

Иван Зорин: Что вы думаете о современном искусстве?

Зорин Иван: То, что сейчас творится, иначе как обскурантизмом не назовёшь. Это следствие общего духовного упадка, системный кризис нашей техногенной цивилизации. Не последнюю роль здесь играет момент роботизации, торжество не демократии, а технократии, то, что удручало Хайдеггера и приводит в восторг Тоффлера. Сегодняшняя диктатура безвкусыя представляет собой самый настоящий эстетический тоталитаризм. Современное искусство имеет отношение к чему угодно – политике, шоу-бизнесу, масскультуре, но только не к искусству.

И. З.: При этом, согласитесь, расцвела масса журналов, учреждено множество премий.

З. И.: «Толстые» журналы выродились. А гламурные, нашпигованные сплетнями про «звёзд», делают из нас подростка, подглядывающего в замочную скважину. Их срамно читать. Разнообразие же премий в самом деле поражает! Они присуждаются чуть ли не ежедневно за многочисленные подвиги на ниве искусства. Под объединяющим заголовком: «Талант не пройдёт!»

И. З.: Сужая рамки, поговорим о литературе. Как Вы относитесь к «новому реализму»?

З. И.: На мой взгляд, это хорошо забытый старый. Любой реализм фиксирует текущее, и при смене декораций неизбежно обновляется. Привлекательность этого направления в том, что автор, откликаясь на повседневность, затрагивая её большой нерв, обречён на

«социологический» успех самим выбором темы. Но в отсутствие художественных достоинств такие произведения – продукт скоропортящийся, в сущности, не отличаясь от газет. Поэтому их авторам приходится спешить, им некогда работать со словом. И по набору художественных приёмов «новые реалисты», безусловно, уступают «старым». Классическая школа умела делать вещи более глубокими.

И. З.: Вынужден с Вами согласиться, я совершенно не представляю, кто, кроме критиков, осилит современный роман. Текстуальное впечатление от первых же абзацев настолько удручает, что нет сил перевернуть страницу. В модных сегодня интеллектуальных романах лексика оставляет желать лучшего, а уровень «литературного вещества» приближается к детективному жанру. Но в детективе держит сюжет, а тут?

З. И.: Возможно, на первый план здесь выходит концепт: «Достоинство – в отсутствие достоинств! Стильно любой напишет, а попробуйте канцеляризмами!» /Смеётся./ Впрочем, тогда честнее предъявить белые листы, по крайней мере, не портит вкуса...

И.З.: Если я правильно понял, новое для Вас не главное, а главное – хорошо писать. Откуда же возникают литературные направления? Отражают ли они дух времени? Или характеризуются спецификой эстетических воззрений?

З.И.: Известен французский «новый реализм» в живописи. «Новая волна» в кино. Или «новые русские». На мой взгляд, возникновение подобной терминологии – явление чисто социальное. Когда та или иная группа амбициозно настроенных людей стремится выделиться, противопоставляя себя остальным, то первым делом придумывает себе название. Стремясь к обособленности и самоидентификации, это объединение позиционирует себя громкими заявлениями о собственной

неповторимости, о разрыве традиций и осуждении непосредственно примыкающего к ним прошлого. Группой легче пробиться к информационным потокам. А критики потом заботливо выпестуют их особенность, подчёркивая инаковость по известной схеме: «Найдите десять отличий!». Но в культуру легче прорваться, чем оставить в ней след. Современные геростраты из кожи вон лезут, чтобы выглядеть непохожими, оригинальными в глазах современников, ничуть не задумываясь, как их будут воспринимать потомки. Им не только не нужна посмертная слава, но, будучи представителями своего поколения, они не стараются соблюсти его репутацию. В погоне за известностью авторы-политики переходят из одного лагеря в другой, где больше печатают, больше пиарят. Ибо научиться писать куда труднее, чем сменить политические убеждения...

И.З.: По-Вашему, на российском небосклоне сегодня ни одного яркого таланта?

З.И.: Ничего сверх ординарного. Обидно, но в творческом плане даже позавидовать некому.

И.З.: Это стимулирует?

З.И.: О, ещё как! Вспомните, как подвинул всех Сезанн, породив плеяду сезанистов. А сколько подражателей у Кафки? Или Борхеса? Но у современных авторов амбиции лежат за пределами творчества и сводятся к тиражам, индексу цитирования, участию в телепередачах. Само же качество, похоже, мало кого интересует. Ведь от сравнения собственных текстов с мировой классикой у них должно сводить скулы. Что это? Особая форма отстранённости? Невосприимчивость? Паранойя? Или отсутствие творческого тщеславия?

И.З.: А, по-моему, они счастливицы, для них не существует гамбургский счёт!

З.И.: Да, но для меня это, признаться, странно. Искусство же не копия, не дубляж, не повтор в худшем

варианте, это, прежде всего, попытка найти что-то своё, пусть на йоту отличное от предыдущего, на миллиметр превосходящее его. Иначе прогресс сменится регрессом, застоём, мелкой грызнёй и погоней за подачками.

И.З.: Собственно, это мы и имеем. Правда, учитывая размеры премий, не такие уж это и подачки. Однако, не находите, что так было всегда? И Моцарта положили в общую могилу, и Вивальди похоронили на кладбище бедняков.

З.И.: Добавьте, что и помнят Вивальди благодаря Баху, а слава к самому гениальному немцу пришла только после смерти. Увы, мир несовершенен. И хуже того, в нравственном отношении не меняется. Но в наше время литературный процесс приобрёл гротесковые формы, породив особый тип «автора без книг».

И.З.: Собственно, тут нечему удивляться, когда искусство стало товаром, книги пишут не для чтения, картины не для того чтобы радовали глаз, а музыку – чтобы слушали. Всё это создаётся для продажи. Подразумевается, что второе напрямую связано с первым, что никудышное искусство будет отвергнуто потребителем, не выдержав свободной конкуренции. Но это не так. И мы видим, что при достаточной рекламе можно скормить, что угодно, не обращая внимания на то, что у публики наступит эстетическая тошнота.

З.И.: Или со временем атрофируется эстетическое чувство и выработается защитный механизм. Как у пещаря в бензиновой Москве-реке. Приспосабливаясь, мы переживаем эпоху культурной мутации, секта читателей вырождается, исчезает – ей, кстати, посвящена моя книга «Секта Правды», – зато растёт масса потребителей бульварного чтива.

И.З.: И нон-фикшн?

З.И.: О, да, если под нон-фикшн понимать буквальный перевод: «нехудожественная литература»! А точнее

антихудожественная. /Смеётся./ Сейчас в прозе принято излагать личный опыт, десятками издаются романы мемуарного плана. От автора не требуется полёт фантазии, его труд сводится в основном к воспоминаниям и описаниям, приправленным политикой. При этом и «Севастопольские рассказы», и «Казачьи рассказы» относятся к тому же жанру, важен класс, мастерство. Пережитое Толстым становится пережитым его читателями, присваивается ими, делаясь близким, факты из биографии современных авторов остаются интересными лишь им самим. Они не могут, встав над собой, подняться до уровня коллективного бессознательного, им не удаётся передать случившегося так, чтобы читатель вставал на их место. Их герои остаются бесконечно чужими...

И.З.: А Ваши?

З.И.: Ну, в отличие от этих романистов я не претендую на документальность и тщательное выписывание психологических портретов, что обязательно предусматривает реализм. Поэтому реалисту непростительно, когда его героям не верят. А этот упрёк сегодня можно бросить почти всем.

И.З.: И почему, на Ваш взгляд, они не вызывают доверия?

З.И.: В первую очередь, у авторов бедные средства выражения, с арсеналом которых добиться правдоподобия просто невозможно. Во-вторых, невысокий философский уровень. Недостаточная глубина мышления. В общем, отсутствие того, что называют талантом. /Смеётся./

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗАБЫТЬЯ

Мы умрём, а реклама упрямо кормит нас пакетами с фастфудом, мы умрём, а нам предлагают новую пену для бритья. Газеты, журналы, Интернет и телевидение изо дня в день заставляют нас следить за политикой «большой восьмёрки», биржевыми индексами или любовными похождениями «звёзд». Обнаруживать трагическое чувство жизни сегодня считается неприличным, каждый обречён переживать его наедине с собой. Третье тысячелетие мир встретил погружённым в детали, человечество старается отвлечься, забываясь в них. Но это всё равно, что перед казнью не думать о побеге, не перебирать проведённые на земле годы, а до блеска начищать ботинки или заботиться о длине ногтей. Потому что только осознание собственной конечности отличает нас от животных, именно оно делает человека человеком. Переживая его раз за разом, мы черпаем силы для духовного роста, отказаться, замалчивать его – значит редуцировать себя на ступеньку ниже. Это глубинное чувство, несущее противоречие между безысходностью и верой, неизбежностью и надеждой, чувство, отрицающее время, энтропию и уничтожение, рождённое отчаянием и стремящееся его преодолеть, это чувство и есть главный движитель любой человеческой цивилизации. Наряду с анархизмом и бунтарством в нём коренится жажда интеллектуальных исканий, богоборчества, самоутверждения и стремление выйти за границы своего «я». Именно трагическое чувство жизни толкает к подвигам во имя людского братства, именно оно даёт

энергию к самопожертвованию. Его притупление, торжество вульгарного эпикурейства, когда тело становится идолом, а забота о нём носит религиозный характер, сопутствует вырождению цивилизации, её закату. Так было в дряхлеющем Риме или поздней Хань. Так обстоит дело и в цивилизации Потребления. Технический прогресс, поставленный на службу удовольствию, всё больше отделяет нас от самих себя, предоставляя нам роль электронной игрушки на полке гигантского супермаркета, превращая многомерного Человека в плоскую, механическую тень.

За последнее столетие человечество ушло от старых мифов, но ещё не обрело новые. Оказавшись на перепутье, оно пребывает в духовной летаргии, видит сны, которые никуда не ведут. Что встряхнёт его? Что заставит сосредоточиться на себе? Лишив прежних иллюзий, наша цивилизация не предлагает новых рецептов, отказавшись от христианского рая, она, как уставший путник, уже не ищет выхода, видя его в забвении. Нашу подлинную реальность всё больше вытесняет виртуальная. Список порождённых ею фантомов, ставших до боли привычными, необычайно длинен. В эпоху глобализации, заставляющей встать под знамена потребительской корзины, общими для всех символами, не привязанными к этническим корням, могут стать только поверхностные, отвлечённые от конкретной бытийности, доступные сознанию и младенца. Трудно, к примеру, вообразить большую нелепость, чем Новый год. Радоваться, что он наступил, всё равно, что оплакивать нечётные дни недели. Или отмечать четверг, выпавший на середину месяца. У древних, твёрже стоявших на земле, был праздник урожая, в Средние века справляли рождение Бога, Новое время заменило их культом Числа. Откуда взялось это поклонение календарю? За ним стоит выхолащивание мифов, новоязыческий абсурд. Раньше

праздники были профессиональными, цеховыми, конфессиональными, обусловленные географией, они были привязаны к местностям, странам и континентам. Миру с размытыми границами требуется праздник, который устроил бы всех – мужчин и женщин, китайцев и немцев, буддистов и христиан. Новый год – это возвращение к пифагорейскому обожествлению Числа, это смерть Легенды, выродившейся в цифровую технологию. Праздновать смену декабря январём – это ли не пример коллективного безумия? Однако в цивилизации забытья господствуют сны о массовом потреблении, поэтому её представителям можно внушить абсолютно всё. Здесь можно договориться в назначенный час быть весёлым, здесь легко приживётся любая условность.

Так не пора ли нам установить дату скорби по утраченному Смыслу?

ПО КОМ ЗВОНИТ ОРУЭЛЛ

Верите ли Вы, что древнего Рима не существовало? Верите ли Вы, что Христос родился в XI веке? Передача, посвящённая таким идеям (а ниспровергатели истории появляются во все времена) продемонстрировала счёт 2:1 в пользу верящих. Наука, отгородившаяся от бытового мышления рационализмом восемнадцатого столетия, сегодня всё больше обволакивается паранаукой, её границы размываются как изнутри, так и снаружи. Её иммунитет пропускает теперь вирус профанации, поражающий в первую очередь тех, кто призван быть её цензором. Ключи к этому лежат в низкопробности демократии. Это её имманентное качество, и другой ей не стать. А в царстве недоучек правит бал сенсация. Если олигархия – это власть тьмы, то демократия – власть серости. Отсюда – наблюдаемый нами языческий расцвет эзотерики, астрологии и оккультизма, отсюда – опрошенство популяризации, превращающее научные дискуссии в околонучные споры – могилу истины. Вездесущность рынка привела к тому, что истина стала товаром, зависящим от спроса. Но искусству, заигрывающему с общественным вкусом, не породить ничего, кроме китча, интеллекту, взывающему к суду масс, не возвыситься над мифологемой. Суть вещей не может быть витриной, в которой демонстрируют лишь потребности толпы.

Трагедия состоит в конечности личного опыта. На бесконечной дороге, по которой бредёт человечество, поколению отводится только шаг. Но прогресс – это

не путь пьяного, каждое движение которого отрицает предыдущее. Культура зиждется на преемственности, любой кризис – прежде всего кризис доверия. Собственное имя – плод доверия родителям, интуитивное «я» – сумма доверия себе. Язык, на котором выражаются все истины, и тот подразумевает общую договорённость. А разве образование есть что-то большее? Знание – это прежде всего доверие знанию. Сенсуалисты призывали доверять обманчивым чувствам, рационалисты – не менее обманчивому разуму. Наша цивилизация буквально соткана из доверия, и даже вера в Бога не представляется здесь чем-то исключительным.

Но опустимся на грешную землю. Крылатые ракеты падают на иракцев. «И в этом виноват Саддам», – заявляют натовские апологеты. Нелепость подобной логики очевидна, но их аргументы убеждают обывателя. Миллионы верноподданных уставились в экран слепыми глазами, миллионы объектов манипуляции! «Океания воюет с Евразией», – внушают населению ораторы оруэлловского мира. «Океания всегда была в мире с Евразией», – тут же поправляются они. И никто не замечает несуразности. Или делает вид, что не замечает. В СССР принимали притчи оруэлловской антиутопии на свой счёт. Однако выясняется, что диапазон её аллюзий куда шире.

Сегодня массовая культура вывела особую породу взращённых на поп-музыке и мыльных операх. Воспринимающие жизнь как бесконечный телесериал её представители психологически устойчивы, им неведомо сомнение, присущее развитому интеллекту, как подростка, их невозможно переубедить. В отличие от крестьянина прошлых столетий, современный индивид, воспитанный массовой культурой, уверен, что является венцом цивилизации. Зависимость от электронных СМИ, из которых черпается представление о мире и житейская

философия, приводит к иллюзии образованности, придаёт той бойкой самоуверенности, с какой держатся перед камерой ведущие развлекательных программ. Идущие рука об руку развязность и невежество стали главными атрибутами времени, однако их усиленная пропаганда говорит о закате культуры, который в европейской истории, в отличие от восточной, всегда предшествовал политическому упадку.

Критическое начало сегодня не в чести, что и понятно, сомнение отравляет удовольствие, за которым, как утверждает сегодняшняя мораль, мы и пришли в мир. Однако именно оно пробуждает самостоятельность. Цена последней всегда высока. Это совершённые ошибки, которые рефлексия превращает в опыт. Рефлексия обременяет, однако именно ею обуславливается развитие, именно она разрешает противоречие между традицией и бунтом, законопослушанием и отчаянием. Иное – безвременье, предлагающее бесконечно долго идти дорогой затоптанного доверия.

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ В ОСВЕНЦИМЕ

Антисоветской пропаганде в России двадцать лет. Но, несмотря на это, советские времена до сих пор вспоминают. А кто вспомнит девяностые? Или двухтысячные? Горстка негодяев? По-моему, это весьма показательно. В нашем обществе налицо дефицит доброты и благородства. И даже власти, являясь заложниками созданной системы, по-своему несчастны. Нельзя же быть счастливым в Освенциме. Или можно?

Нравилось ли мне жить при тоталитаризме? Так или иначе, при диктатуре живут всегда. Сегодня при диктатуре денег. Что же касается советского тоталитаризма, «Империи зла», то ведь это были пропагандистские штампы «холодной войны». Было мощное государство социалистической ориентации, жёсткого управления, на мой взгляд, единственно пригодного для таких огромных территорий, разноплеменного населения и северного климата. Я убеждённый сторонник социального равенства, если угодно, «уровнировки» (как презрительно называет это горстка ограбивших народ), планового хозяйства, преимущества которого очевидны, они позволяют бережно относиться и к природным ресурсам, и к человеческим, заботясь о грядущих поколениях. В этом смысле меня удивляет популярность «Собачьего сердца», снятого по одноимённому произведению Булгакова. На мой взгляд, это дурная сатира, а брюзжащий профессор, недовольный, что прислуга плохо готовит,

когда на дворе голод и его соотечественники борются за выживание, человек, не имеющий сострадания, вряд ли может вызвать симпатию. У него в груди – собачье сердце.

В сущности, низы при СССР всё устраивало, это верхи не хотели жить по-старому, разделяя национальные доходы наравне со всеми. И сверху СССР был очень быстро демонтирован с переделом собственности. Сегодня, наоборот, верхи довольны, низы – терпят. И это может длиться вечно. Потому что организованность бьёт численность. Плюс пропаганда, плюс дебилизация населения, его зомбирование через СМИ. Случившееся в девяностые открывает глаза на мой народ. Расчленили, обобрали великую страну, но заставили поверить, что всё – к лучшему, что социальный прогресс налицо. И верят! Куда там голому королю! Тут другая сказка – шла прилично одетая женщина, в шубе, шляпе, с украшениями. А ей предложили снять шубу – сняла, шляпу – сняла, украшения тоже сняла. Её разули-раздели, а она идёт и радуется: «Действительно стало лучше!» Что это? Загадка русской души? Или массовое помешательство?

Смена экономической формации происходила на моих глазах, и я со всей определённой могу утверждать: если труд сделал из обезьяны человека, то капитализм делает из него подонка.

Ничего удивительного, что финансовое расслоение повлекло и расслоение интеллектуальное. Образовательный уровень катастрофически упал, если раньше интеллигенция, эта классовая прослойка, составляла десятки процентов от населения, то сегодня мыслящих, интересующихся культурой людей, видимо, столько же, сколько и миллионеров. При этом их множества не пересекаются. Российский капитализм уничтожил интеллигенцию как класс. Её ликвидация прошла без репрессий

и запретов, без гонений и притеснений, просто создали условия, в которых она стала лишней. Макакам не нужен Гёте. Тотальное искоренение культурных традиций, выхолащивание гуманитарных знаний на американский манер затронуло, по-моему, уже генетическую сферу.

По советским меркам сегодняшний средний уровень – это интеллектуальное убожество, художественная литература издаётся такими же тиражами, как раньше узкоспециальная техническая, а современные блокбастеры не прошли бы прежде идеологической цензуры – эстетическую.

Апологеты современного «демократического» капитализма, когда отношения регулируются деньгами, – это защитники данности. Но когда наступят иные времена и станут очевидны все его ужасы, то наше социальное положение будут сравнивать с тысячелетиями рабовладения или крепостничества. Кто из современников, кроме Сенеки, поднимал голос в защиту римских рабов? Кто, кроме декабристов, осуждал бесправие русского крестьянства? Не ведая иного, миллионы воспринимают своё существование за норму, за лучшее из возможного. Конечно, я не говорю о горстке лицемеров, стоящих у власти.

Всё познаётся в сравнении. Социализм был слишком хорош, люди оказались его недостойны. И действительно, лучшие люди советского строя, образцы для подражания – талантливые учёные, врачи, управленцы, по идее должны были вызывать всеобщее уважение. Но уважение, в отличие от зависти, чувство возвышенное, не всем доступное. А вот деньги, как простейший индикатор социального неравенства, понятен каждому. Конечно, капитализм в социально-духовном смысле – это откат назад, зато в плане устойчивости системы редуцирует к низменным запросам делает его, безусловно, привлекательным. В этом смысле прав Троцкий с его

идеей перманентной революции: страна победившего социализма с течением лет делается беззащитной перед животным началом, торжествующим вокруг. И качественный скачок в социальном прогрессе возможен лишь с одновременной (или последовательно быстрой) победой «свободы, равенства, братства» во всём мире. Иначе контрреволюция задушит – так победили реакционеры во Франции, так и СССР, вступивший после войны в фазу равновесия с капиталистическим миром, закончившуюся стагнацией, был обречён. Если революция не расширяется, она гибнет!

ГЛАЗАМИ ПРОСТОДУШНОГО

/Интервью с Г-НОМ N/

Г-н N: Ассирийский царь, согнав тысячи рабов, отстроил разрушенный Вавилон. Советский диктатор руками миллионов политзаключенных поднял страну из разрухи. Отец американского автомобилестроения нанимал рабочих, чтобы иметь прибыльный завод. Не вижу разницы. Да и как иначе? Подавление заложено в самой структуре общества с иерархической вертикалью, зачем лицемерить...

Зорин: Но, согласитесь, формы правления становятся мягче...

N: И связано это прежде всего с техническим прогрессом и достатком, который смягчает нравы. В позднем Риме, например, было много вольноотпущенников, вещь немыслимая в суровые времена Катона Старшего.

З: И всё-таки сегодня мы наблюдаем, какие плоды приносит развитая демократия.

N: Заблуждение, Вы путаете причину со следствием. Болтать о равноправии легко, когда сыт. Западную демократию поддерживает накопленный за века потенциал – колониальная (в широком смысле) политика, авантюристический дух европейцев, покорявших мир... Недаром из всех существовавших цивилизаций Тойнби выделяет Западную как самую агрессивную. Сейчас, когда войны перенесены в сферу идеологии и экономики, а конвой товаров из колоний сменила паутина мирового хозяйствования, Запад потребляет подавляющую

часть ресурсов Земли, перетянув одеяло на себя... На-лицо олигархия в мировом масштабе, раёк в отдельно взятом регионе. При чём здесь демократия? Если бы на Западе воцарился вдруг первобытнообщинный строй, и его бы считали наиболее прогрессивным, ведь у богатого самый правильный из всех размер ботинок. Я не против, только говорить, что богатый богат благодаря этому размеру, извините, порочно... Впрочем, ещё Паскаль заметил, что люди не очень понимают добродетель, зато очень хорошо знают силу, и поэтому часто нарекают сильное добродетельным...

З: Однако исторический опыт показывает, что в странах со справедливым, демократическим укладом наступал расцвет культуры, например, в Греции...

Н: Ну, греки, прежде чем стать провинцией Рима, вообще-то всё время метались между тиранией и демократией. Кстати, Аристотель, Платон и Сократ были яркими противниками демократии. Известно также, что бесчинств, творимых в Афинах при демократии, при тиране Писистрате не было и в помине... Но я вообще не понимаю, о чём идёт речь: власть всегда власть, даже в муравейнике есть элита и плебс. Именно поэтому анархо-коммунистическая идея будет всегда привлекательна и будет осуществляться в различных формах – от крохотных религиозных общин до искоренения неравенства в целых странах, будь то движение маздакидов, восстание жёлтых повязок или Советы. Я уверен: за ней будущее, если только до этого люди не перережут друг другу глотки... Опыт России был просто преждевременный, первый блин, который всегда комом...

З: Тогда чем же Вы объясните крушение тоталитаризма в 91-м?

Н: Давайте прежде отбросим идеологические клише! Ведь теперь, задним числом, всё стало очевидным: старания наших оппонентов в холодной войне не пропали

даром. Странно не то, что СССР распался, странно, что он просуществовал семьдесят лет. К тому же идеалы семнадцатого года к семидесятым изжили себя, что, впрочем, и естественно. Хотя ещё моя неграмотная бабка держала вместо иконы фотографию Ленина. Но главная причина всё же психологическая. Знаете, после Первой Мировой, когда едва разобранные горы трупов, казалось, предвещали вечный мир, у Шпенглера как-то спросили, будет ли новая война. Конечно, ответил он, как только вырастет поколение, её не пережившее. Так вот у нас за забором выросло поколение, которое не видело ничего, кроме развитого социализма, и которому не с чем было его сравнивать, кроме своих грёз. Я хорошо помню те настроения – я и сам принадлежу к застойным семидесятникам, на чьей совести крах, – никто не верил набившим оскомину сказкам об инфляции, кризисах, безработице, только смеялись... И никакими силами нас было не переубедить. Из-за ограды детского сада мир кажется прекрасным, запретный плод всегда сладок... Мы крутили кукиш в кармане подрастерявшимися воспитателям и были довольны. Да и те оказались не на высоте... Революция девяносто первого – это бунт школяров...

З: Немного доморощенное объяснение...

Н: Почему? За отсутствие нормальной динамики расплачиваются революцией, любой застой кончается встряской...

З: Вы хотите сказать, что лечение оказалось хуже болезни?

Н: Попробовали – убедились. Верните прошлое, и никто не захочет настоящего. К сожалению, ошибаются только раз...

З: Значит, Вы – апологет прошедшего?

Н: Скорее поборник очевидного. Мне стыдно за свою наивность, стыдно, что «защищал» Белый дом. Мы все жестоко обманулись: что имеем – не храним...

З: Но многие считают по-другому...

Н: Мне незачем кривить душой – мне за это не платят.

З: А как Вы относитесь к числу основных завоеваний – свободе слова и выбора?

Н: Пожалуйста, говорите сколько вздумается по другую сторону экрана. /Смеется./ Чтобы услышать все мнения, надо каждому дать по Останкино, чтобы уравнять всех в правах, каждый должен хотя бы чуть-чуть побыть президентом. Кстати, существовали маленькие греческие полисы, где это было принято... Но демография навсегда похоронила подобные эксперименты. Ну а если серьёзно, то ведь мы видим события в кривых, и это неизбежно, зеркалах СМИ, открытое общество прежде всего открыто для лжи... Только вдумайтесь: отработанные технологии выборов... В корне перечёркивает саму идею. Абсурд. С другой стороны, а как же иначе? Спектакль создаёт иллюзию причастности. Так интересуются мнением ребёнка, но кто его учитывает? В нашем языческом мире выборы – ещё одно шоу...

З: Почему в языческом?

Н: А каком же? Кончилась тысяча лет – эра слова, эпоха книг, которые породила Книга. Человечество, пройдя виток, заданный христианством, вернулось к язычеству... «Не собирай богатств на земле, где их поест моль и ржа». Идея внутреннего совершенствования выдохлась. Оглянитесь: вокруг мало кого манит Царство Небесное... Ситуация напоминает поздний Рим с его обилием культов и всё пронизывающим: «Наслаждайся, смертный!» Среди мечущихся философов современности можно разглядеть своих стойков, киников, эпикурейцев... Бог обретает всё более расплывчатые черты... По-моему, последним пристанищем христианского духа, где он ещё теплился, был, как ни странно, Советский Союз, декларирующий примат нравственных ценностей над материальными...

З: Государство атеистов? Не могу с Вами согласиться...

Н: А с Папой, назвавшим Западную цивилизацию «цивилизацией мёртвых», можете? Впрочем, я не склонен полемизировать...

З: Я тоже... Ваши прогнозы?

Н: Для России? Самые мрачные... Post factum можно назвать вещи своими именами. «Центр» и «Периферия», как откровенничает Сорос. Мы с Вами на периферии. Вспомните «пролов» у Оруэлла или индейцев... Жизнь человека «Центра» стоит тысячу жизней на «Периферии». Наши с Вами русскоговорящие кумиры живут за границей. А часто Вы слышите о Китае?

З: Не очень.

Н: Складывается впечатление, что там нет учёных, художников, писателей... Китаец попадает в объектив, только когда приезжает в Европу или США. Между тем каждый четвёртый на планете китаец. А Россия стала всего лишь одной из зон влияния...

З: Вы полагаете, что дальнейшую историю человечества можно озаглавить как «Золотой» миллиард и другие?» Но мир не может быть однополярным.

Н: Совершенно с Вами согласен. Фронда заложена в самой Системе, кто пытается нарушить равновесие, обречён. Весь вопрос – когда...

З: У Вас, однако, едкие замечания.

Н: Всё что остаётся... Приличному человеку вообще отводится роль созерцателя, его удел – незаметно пройти по жизни, а это вырабатывает определённые качества – беспристрастность и стремление к объективности. Это оборотная сторона беспомощности – отсутствие мотивов для лицемерия.

З: Сейчас много говорят о русской идее, каково Ваше мнение?

Н: Двух мнений тут быть не может, как бесспорно

и то, что уже поздно... Выньте из США Американскую Мечту и статус Большого Брата, и они тотчас рассыплются в горстку штатов... Как тут не вспомнить Шопенгауэра с его «Мир как воля...» /*Смеется.*/ США держатся, покуда английский – современная латынь...

З: Вы пессимист?

Н: С возрастом трезвеешь, а это, видимо, и есть пессимизм. Доверяешь уже не чужому мнению, а собственным глазам. Я не слишком высокого мнения о человечестве в целом. Известно, кто князь мира сего. Вглядитесь в лица вершителей наших судеб: на всех будто одна маска – злая посредственность. Это ли достойнейшие? По-моему, торжествует не демократия, но серость – геростраты, оккупировавшие кусочек чужого сознания...

З: У Вас действительно мрачные взгляды... Спасибо за интервью. И в заключение – Ваше имя?

Н: Зачем? Оно ничего не скажет, а под этой кучей банальностей можно смело ставить любое. Кроме того, в бесстыдный век тяготеешь к скромности. Хотя бы из чувства протеста.

ПИСЬМО БЕЛОРУССКОМУ ДРУГУ

Ноябрь 2010 года

Хочу поделиться опытом стороннего наблюдателя, не состоявшего ни в одной партии и не примыкавшего ни к одному из политических течений, четверть века следившего за происходящими в России переменами и остро переживавшего их необратимый ход. Чтобы избежать подозрения в тенденциозности, скажу, что в 1991 году я был одним из «защитников» Белого дома, и, как вся советская интеллигенция в перестройку, с огромным энтузиазмом встретил «ветер перемен». Тогда была пора исканий, казалось, мы задыхаемся под идеологическим прессом, устав от однообразной, серой жизни, от регламентированного уклада, от наглухо задрапированной власти. Мы хотели свободы, разделяя популярный лозунг: «Так жить нельзя!», встретили перестройку с надеждой и оптимизмом, как весну после долгой зимы. То, чем всё обернулось, хорошо известно. Но в Беларуси события развивались иначе, чем в России: человек, подписавший Беловежские соглашения, в отличие от его российского подельника, продержался у власти лишь три года, за которые поезд не успел окончательно сойти с социалистических рельс. Ситуация схожа, и мне кажется, психологический климат современного белорусского общества во многом напоминает тот, о котором я писал выше. Стабильность власти должна вызывать раздражение, желание перемен, это психологический закон, известный как «комплекс подростка». Трудно изо

дня в день терпеть одно и то же лицо, даже если это лицо матери. И среди белорусов, особенно среди молодёжи и интеллигенции, как наиболее чувствительных составляющих общества, обязательно должно родиться чувство протеста, желание избавиться от опеки, бросившись в объятия неизведанной, манящей свободы, окончившись в мир взрослой самостоятельности. Это смутное томление, искание чего-то большего, чем гарантированный кусок хлеба и государственная защита, свойственно народам всех социально ориентированных стран, чья экономическая и политическая стабильность вызывает «психологический застой». Для огромной массы, лишённой возможности долго жить за границей и черпающей впечатления с телеэкрана, жизнь по ту сторону представляется как обёртка глянцевого журнала, беззаботной и весёлой, с главной проблемой у женщин – следить за модой, а у мужчин – правильно выбрать марку автомобиля. В обществе потребления все выглядят раскованными, имеющими своё мнение буквально обо всём, с улыбкой высказывающимися по любому вопросу не хуже экспертов в бесчисленных ток-шоу. Сквозь призму СМИ и жизнь здесь представляется одним большим шоу, на которое приглашают и на которое так хочется попасть. Однако у этого шоу свои шоумены, которым другие нужны лишь в качестве обслуживающего персонала. И в конце восьмидесятых казалось, что, может быть, только лучше, что все завоевания социализма останутся, а к ним добавится лоск «свободного мира». И главное, была неколебимая уверенность, что сохранятся человеческие отношения, что человек человеку никогда не станет волком. Это ведь совсем других имел в виду Гоббс. Но поменялись обстоятельства, в основу легли принципы дикого капитализма, и очень быстро восторжествовало животное начало, люди вцепились друг другу в глотку, презирая и многолетнюю

дружбу, и кровное родство. В обществе здоровой конкуренции нет ничего личного! Так, в результате преступной наивности мы потеряли страну. И достойные ушли с ней. А их место заняли люди без морали, без идеи, с выхолощенными чувствами. Среди тех, с кем меня сталкивала жизнь, наиболее честные, порядочные и сострадательные опустились, спились или уехали за рубеж, а лишённые от природы начатков совести и благородства, бессердечные и толстокожие заняли высокие кресла. Мир точно перевернулся, словно создались коридоры для проходимцев, как лазейки для крыс, и выросли барьеры для тех, кому небезразлична судьба Родины (устаревшее понятие, употреблять которое в своём кругу люди без патриотических комплексов считают моветоном). И с какой же мстительной безжалостностью эти люди с сомнительной репутацией, эти выдвигенцы девяностых, когда, кто смел – грабил, а кто не смел – воровал, заявили: «Надо было перестроиться!» А может, перекраситься? Перемазаться? Переродиться? Вот что стоит за безобидной формулировкой «передел собственности». Вообще, демократия построена на эвфемизмах: лицемерие при ней достигает небывалых высот, никто прямо не назовёт вещи своими именами, прячась за политкорректностью, за призывами к толерантности, никто не назовёт белое белым, чёрное чёрным. Впрочем, в обществе потребления истина никого не интересует, её искания остались в развитом социализме, сосредоточенном на выборе дальнейших путей развития, а не на выборе продуктов в супермаркете. И этот же сценарий в маленьком масштабе разыграется в Беларуси, если уйдёт Лукашенко. И альтернативы, увы, быть не может. Цензуру идеологическую сменит цензура рынка, глухая, непробиваемая, как могильная плита, слово девальвируется, потому что лгать будут не только по телевидению, но и себе, и друг другу, а административно-

командную систему сменит денежная. Но если первая своя, то вторая будет чужой, потому что денег больше у того, кто их печатает. А планетарные правители, для которых экономика – религия, и, как Бог, превыше всего, равнодушны к национальным чувствам. С точки зрения банковского счёта африканец неотличим от китайца, перед деньгами все равны. Однако ж некоторые равнее! И белорусов, как и их соседей, включают в мировой рынок с его разделением труда: московские улицы давно забиты украинскими проститутками, улицы европейских городов – российскими. Но прежде чем принять в свою семью, белорусов подвергнут санации, как программа «десоветизации» будет проведена тотальная «делукашенкоизация». Из народа вытравят критическое начало, способность сомневаться, уничтожат остатки самостоятельного мышления, посадив на телеиглу. И стерилизованное население будет иметь своё мнение обо всём, не хуже телеэкспертов, перестав замечать, что, спеша обрадовать мир пришедшей мыслью, повторяет внушённые штампы. Дебилизация и нейролингвистическое программирование, к которым, пока их нет в полном объёме, можно относиться с усмешкой, сделают своё дело. Это сейчас можно крутить властям кукиш в кармане, выражать недовольство на кухнях, находя единомышленников, проводить время в сближающем шушуканье. Всё это уйдёт, как с белых яблонь дым, за вами не будет следить ни милиция, ни спецслужбы – ваше инакомыслие будет абсолютно неинтересно, как и вы сами, предоставленные самим себе. И разговоры вырождаются, и гости пропадут, и диссидентство выйдет из моды. Останется один Большой Телебрат. А с вашим мнением, словно в детской компьютерной игре, будут считаться тоже виртуально – счётчики звонков на теледебатах будут тщательно фиксировать количество безликих, безымянных зрителей, но политикам, превратив-

шимся в «телезвёзд», будет на вас глубоко плевать. Впрочем, после зомбирующей обработки СМИ, сравнимой разве с поголовной лоботомией, вы и сами незаметно станете радоваться тому, что яблоко красное, а трава зелёная, и знать, что, отсидев год в офисе, получите возможность слетать на неделю в Турцию. Никаких духовных сил сопротивляться окружающей пошлости не останется, точно прошли катком, заставив быть плоским, одномерным, ручным. И только некоторые будут удивляться: куда всё ушло? И как быстро! Воистину, что имеем, не храним. Но своё мнение они будут вынуждены держать при себе, добром вспоминать старое станет неприлично и несовместимо с карьерой. Я рисую антиутопию? Стгущаю краски? Просто я всю жизнь провёл в Москве, наблюдая изнанку лакированных фасадов, знаю цену в сотнях исковерканных, поломанных судеб, которую заплатили за «свободу потреблять», вижу людей, превратившихся за неимением большего в трудоголиков, страну, утонувшую в дурмане развлекательных программ. Если уйдёт Лукашенко, и белорусам надо будет привыкнуть к чванству разбогатевших друзей, к всеобщей зависти, к тому, что разногласия между родственниками разрешаются в суде через адвокатов. Надо будет привыкнуть к этническому обезличиванию, проститься с идеей национальной самоидентификации и духовной независимостью. Посмотрите на Россию с её вырождающейся национальной культурой, заменённой общечеловеческим суррогатом! Разве она не представляет собой поучительного примера? Не лишне вспомнить, что «западные ценности», столь органичные для своих, для посторонних оборачиваются троянским коном: СССР после ГКЧП их безоговорочно принял, Китай после Тяньаньмэнь категорически отверг.

Почему в России сокращается население, зашкаливает коррупция, процветает наркомания, а Запад не

подвергает критике её «элиту»? Власть дубинками разгоняет митинги несогласных, создаёт из клоунов карманную оппозицию, превратив выборы в фарс, вносит по своему усмотрению поправки в Конституцию, а официальный Запад не заикается о диктатуре? При этом статистические данные по России (http://www.rf-agency.ru/acn/reiting_ru.htm) приводят в ужас даже западных экспертов, заявляющих о вымирании страны. А Беларусь по массе положительных показателей стоит неизмеримо выше, и её лидер вызывает ненависть. Не потому ли, что российский президент не самостоятелен и вполне справляется с отведённой ему ролью? А Лукашенко – фигура независимая, не принимающая правила игры? С какой наглой вседозволенностью обрушились на всенародно избранного президента российские СМИ!* Попробовали бы они подобный демарш в адрес США или Израиля! Но была команда: Запад в этом спектакле остаётся над схваткой, а России отводится роль питбуля. И никто не смеет обвинить российское руководство в разжигании межнациональной розни, никто не отваживается привлечь его к Гаагскому трибуналу. Впрочем, у российского президента, вероятно, подмешивается и личное, он не может простить белорусскому лидеру харизмы. Но как только Лукашенко уйдёт, отпустив белорусский корабль в свободное рыночное плавание, когда исчезнет сдерживающее начало, страну скупят на корню. И хозяевами станут отнюдь не заинтересованные в её процветании и конкурентоспособности. Некоторым азартным может показаться, что и они, участвуя в дележе, получают свой кусок пирога, пусть миллионы соотечественников

* Богатый арсенал нечистоплотных пропагандистских приемов российских СМИ – это тоже визитная карточка современной кремлёвской власти, и, как заметил один мой московский знакомый, посмотрев сфабрикованную на НТВ ложь: «Они что, писали с себя?» И действительно, все обвинения, выдвинутые в адрес Лукашенко, в первую очередь относятся к российскому руководству.

разорятся, я-то своё урву. Не выйдет! Приедут толсто-сумы, природные акулы бизнеса, против которых он маленький, наивный и своё «Надоел батька!» открычал. Я не пугаю. Просто так будет. Как уже есть на всём постсоветском пространстве. При этом я уверен, что простые люди в Беларуси, близкие к земле, не утратившие природного трезвомыслия и видения сердцем, это прекрасно чувствуют, я обращаюсь к зашоренной, замороченной «измами» интеллигенции, призывая проявить гражданское мужество и правильно оценить, в чём состоит её долг, её позиция, её пасторские функции. Надо понимать, что Беларусь – островок в упивающейся своим культуртрегерством дряхлеющей цивилизации, что ей с величайшей осторожностью надо открывать дверь, чтобы, как в чумном бараке, не заразиться. И надо понимать, что, как и при чуме, обратной дороги не будет, что избирательный бюллетень – это билет в один конец! Стоит отнестись к выборам с максимальной ответственностью, чтобы потом не кусать локти, не плакать у разбитого корыта, не жить воспоминаниями.

Я хотел закончить словами: «Мой долг был предупредить. А выбор за вами». Однако цена вопроса колоссальна, и уместнее перефразировать известное высказывание: «Белорусы, я люблю вас, будьте бдительны!»*

* «Люди, я любил вас, будьте бдительны!» (антифашист Юлиус Фучик «Репортаж с петлей на шее»).

МНЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НИЧЕГО НЕ ЗАВИСИТ

Культура – многомерное понятие. Это и верование, и искусство и творчество, и обычаи, и мораль, и образование, и система материальных и духовных ценностей, и исторически определённый уровень развития общества, и система норм, и свод запретов, окружающих человека в обществе, и проявление человеческого духа, и удовлетворение инстинкта посредством создания иллюзий.

Я выскажу свой взгляд на влияние некоторых её составляющих при становлении современной экономики России. Возможно, он покажется парадоксальным, ибо идёт вразрез с принятым сейчас официально и, в частности, с интерпретацией нашего недавнего прошлого.

Я считаю, что, несмотря на декларированный в СССР атеизм, менталитет его общества во многом определялся традиционными православными истоками с такими качествами, как общинность, соборность, взаимовыручка и т. д. Это отличало его от западной системы ценностей, построенной на крайнем индивидуализме. Именно в советском обществе осуществлялся примат сознания, культуры, духовных ценностей над материальными, над экономическими. Может быть, это было первым человеческим опытом, а потому неудачным. Написав эту фразу, я вдруг вспомнил общество раннего Средневековья в Западной Европе, где во главу угла были поставлены христианские доктрины. Я вижу здесь вслед за русским историком-эмигрантом Бицилли много параллелей. И главное – и там, и там печальный

результат: динамика победила статику, общество сметено бульдозером рынка, капиталистическими отношениями с их философией «Левиафана», с их «человек человеку волк». Мне кажется, что это закономерный результат: маятник человеческой эволюции постоянно качается от торжества духа к торжеству мамоны. Эти скачки цивилизации и есть, в сущности, развитие, неравномерное и неравноценное движение, с откатами, возвратами, рывками и застоями.

Современное общество, даже в индустриально развитых странах, к сожалению, не в силах обеспечить духовные запросы развитого в культурном отношении индивида, впитавшего в себя ценности предшествовавших веков. В частности, в постиндустриальных США только каждый третий выпускник университета обеспечен работой по специальности, а половина населения Земли голодает. Отсюда трагедия личности, невостребованность, горе от ума. Один уругвайский профессор, человек старый – по его собственному признанию, ему незачем лгать – высказал такую спорную версию крушения СССР. Он объясняет его обилием «итээровских» работников /40 млн человек/, множеством «лишних» людей, недовольных, плаксивых, мечтающих. Накопленная ими энергия разрушения и вылилась в крах 91-го года. Хотя его мысль не нова. Вспомним экклесиастическое: «Во многой мудрости много печали...» «Образование, – считает уругваец, – подразумевает не только знание и добровольное, осмысленное следование Традиции, но и вольнодумство, элемент неудовлетворённости, бунтарства». И действительно, спокойствие общества определяется успехом манипуляции общественным мнением, умелым управлением «верхов» «низам», управлением, которое, очевидно, подразумевает и обман.

В современной России мы видим бурный процесс опрошенчества, который приведёт в соответствие

среднеинтеллектуальный уровень общества с общемировым. Возможно, эта опущенная планка и позволит России встать с колен материальных, опустившись на несколько ступенек ниже по духовной лестнице.

Говоря о сегодняшнем моменте, нельзя не сказать о влиянии США, давлении, которое теперь начали испытывать и мы вместе с остальным миром. Мы чувствуем его особенно болезненно, потому что ещё недавно были от него ограждены. Суррогативная культура эмигрантов из Европы как будто в отместку движется уже несколько десятилетий из-за океана в обратную сторону, точно спрут, поглощая своеобразие этнически обособленных, древних культур. Идеал современного цивилизованного человека */но не человека культуры/* – это «белый воротничок», трудоголик в галстукке, американский клерк. Быть может, это тупик цивилизации, быть может, её очередной виток. Но мне бы не хотелось видеть торжество этого спрута, моё естество противится этому, возможно, ему противится вся тысячелетняя история моей страны. Проводимая сегодня политика обезличивания, в её крайних проявлениях массовой культуры */или массовой пошлости/* должна неизбежно отторгнуться, ибо она противоречит самому духу русской нации, тому духу, который нашёл отражение в её литературе и искусстве. Я думаю, что и экономические принципы Запада, с их рынком, выборами, демократией, отвечают прежде всего психологии западного человека, который и чувствует себя в этих отношениях как рыба в воде, но они отнюдь не соответствуют мировоззрению, истории и нравственности других народов.

Современная экономика России развивается обособленно от культурного потенциала нашей страны. К сожалению, она подвержена влиянию западных идей с их тотальным рационализмом, окончательная победа которых означает нашу смерть.

СУЩЕСТВОВАНИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Жизнь учит нас: правды нет, есть расставленные акценты. Кто говорит об общечеловеческих ценностях, ищет выгоды. И прошлого нет. Есть только настоящее. И это тоже выгода. Но русское сознание противится этой очевидной истине, тому, что объективность – всего лишь одна из интерпретаций, а совесть – производная нравственных координат. Это у нас в генах, от богоискательства, поиска высшей инстанции. Лицемерие на Руси всегда было смертным грехом. Будь то убийцы Годуновых, жидовствующие или поздние коммунисты – народ всегда безмолвствовал. Лукавство царапает нам душу, фальшь во спасение претит русской натуре, отзываясь пошлостью. Возможно, за века в нас укоренилась способность к покаянию – изжитый Западом комплекс вины, но мы так и не научились притворяться перед самими собой. Наше общественное мнение не рукоплескало победе шестьдесят восьмого года – осуждение Вьетнама стало приходить к американцам только с поражениями. В нашем Отечестве хватает и обломовых, и скалозубов, но Иудушка Головлёв – надуманный персонаж.

Россия – страна крайностей, страна блистательных побед и тягчайших поражений, родина великих прозрений и не менее великих иллюзий, колыбель ослепительных находок и горьких заблуждений, могила страданий и грёз, но Россия не страна компромиссов. Лишённая искреннего начала, она обречена, её перпетуум-мобиле – вера, бросающая её то к вершинам торжества, то в

бездну отчаяния. Птица-тройка летит тропой безудержных ошибок, по стезе боли, крови, пророчеств, скорби, её несет дорогой страстей, её кони порой шарахаются, но в стойле никогда не прозябают. Здесь правит сердце, не ум, мы стерпим всё – и успех, и разочарование, не вынесем лишь удушающего аркана жития в настоящем, равнодушия к будущему, сытого безмолвия. Горячее отрицание идеи ради идеи вылилось у нас в апатию, в бесстрашие, обернулось бедой куда более страшной. От судьбы не уйдёшь, мы определены на духовный поиск, а это всегда жертва.

Однако история прогресса – это история лицемерия. Современная эпоха ничуть не гуманнее времени царств и империй. «Иду на вы», – простодушно обращался к врагам чубатый князь, Сенат назначал консулам ещё не покорённые провинции. Теперь, прежде чем бомбить, нужно убедить мир в необходимости защитить права человека. Ханжество стало теперь неотъемлемой частью убийц, а силу привычно вуалируют добродетелью, защищающей воинственность миротворцев. Средневековый виллан чётко представлял своё место в иерархии, знал, кто его хозяин, – развитая демократия стесняется называть вещи своими именами. Подавление прикрывается ныне выборностью, иллюзией сопричастности. Эволюция требует всё более изощрённых форм принуждения, и теперь зрителям разрешено менять актёров, которых уготовили им кулисы. Один президент, одна на миллион вероятность быть избранным – это ничтожно малая величина, тот же ноль. Весь этот гигантский фарс сродни лотерее: счастливцев – на виду, миллионы проигравших – в тени. Я уж не говорю о продажной прессе, капиталах, лжи под присягой и чёрном пиаре, как будто есть белый. То, что голоса государственного мужа и полуграмотной старухи равнозначны, – верх абсурда, как заметил ещё Сократ, – выдаётся за апогей справедливости. Практика

обращения к толпе, апелляция к массовому сознанию – приём из разряда *ad hominem*, законы демократии создают широкое поле для манипуляции. Монархия, безусловно, честнее, она уравнивает в правах, как смерть. Один по праву рождения правит всеми, судьбу откровенно вручают Небу, без всей этой мышинной возни, без лицедейства и двоемыслия. Но кто признает своё положение невольника, сравнение с плебеем эпохи Гракхов унижает каждого. Чтобы видеть наготу вещей, надо обладать интеллектуальной смелостью, правда о голом короле никому не нужна. Непредвзятость опасна, пристальный взгляд страшит. Отсюда – наивная уверенность в победоносном шествии демократии, святости её принципов, её блага. Защищая эту мораль, западный обыватель защищает свою мнимую свободу, участие в историческом процессе. Сегодня его немому заглушает рупор телевидения, ничтожность возможностей – разговоры о властных полномочиях. Пропаганда и благополучие убаюкивают и здравый смысл, и критическое начало. Впрочем, истина, как мир, стара: «Я сам обманываться рад...» Между «верхами» и «низами» возникает тайное соглашение: первым достаётся власть, вторым – самообольщение. При этом я не противник демократии, я противник дифирамбов в её адрес, оправданий вдогон. С этической точки зрения она ничуть не лучше и не хуже любого другого государственного устройства, относиться к которому нужно как к необходимому злу. В конечном счёте благосостояние нации определяется бесконечной совокупностью причин, важнейшая из которых – прозорливость пастырей, будь то английская Елизавета, Петр I или Франклин Рузвельт. Впрочем, ещё Костомаров, которого трудно упрекнуть в приверженности престолонаследию, заметил, имея примером Польшу, что демократия создана для хороших времён, что «республика, раз пропустившая наверх бациллу

себялюбцев и болтунов, обречена – эти люди будут воспроизводить себе подобных, а законным порядком избавиться от них невозможно».

Подрезавший крылья утопичности, преодолевший естество мифологем, рационализм подразумевает конформизм, который прячут за «предсказуемостью» и «цивилизованностью». Лабиринты кривых зеркал исправно защищают себялюбивое, алчное «эго», вуалируя подчинение заведённому порядку – плату за колбасный рай. В жителях же русских равнин веками бродит иная закваска, неутолённая тяга к бунтарству, иррациональная способность отказаться от благ ради эфемерной мечты. Русскую метафизичность не загонишь в узкие рамки бытия. В сущности, мы – последние из христиан, перемерявшие религиозные одежды от теократического самодержавия до советского атеизма. Именно поэтому нас не любят куда больше далёких китайцев: мы – жало в плоть, задержавшиеся на предыдущей, до «постбиблейской» стадии, мы – напоминание былого, примета несостоявшегося будущего. Этим мы раздражаем глубинно, куда больше наших бомб, неумелого тоталитаризма или жалкого рынка. Тойнби недаром называл православную цивилизацию зеркалом западной: чужие пороки приобретают у нас карикатурные размеры, на них становится больно смотреть. Наша грубоватая наивность смущает шлифуемое столетиями двуличие, наше разъедающее сомнение возвращает страх адских мук. Сегодня псевдонравственные устои Запада непоколебимы, он беспощадно празднует закат славянской гегемонии, добывая, как ему кажется, последние очаги сопротивления. Однако борьба, набравшая двухсотлетнюю инерцию, в одночасье не кончается, это лишь перерыв. Противостояние загоняется вглубь, обретает скрытые формы. При всей очевидной зависти к их налаженному быту, для нас европейцы – падшие ангелы, мы для них – степные волки,

кружащиеся вокруг их маленького дома.

Эхо Нагорной проповеди растворила культура, ретуширующая трагическое чувство жизни, Христос проиграл: цивилизация пошла путём фарисейства, приводящему к апокалипсису лжи. Быть может, уберечь от него и есть предназначение России? Быть может, в этом и заключается её историческая миссия, её предначертанная на вселенских скрижалях, смутно угадываемая каждым русским, национальная идея? Ведь роль Третьего Рима – это не роль судьбы, но скорее противовеса, символа духовного беспокойства, вечного мятежа против удовлетворённости, примера чего-то иного, сопротивляющегося кладбищенскому спокойствию земного рая. И, возможно, наша национальная идея определяется простым фактом нашего существования. Её нельзя выразить иначе, потому что русская Отчизна – такая же планетарная данность, как солнце, воздух или воля небес.

ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТОРЫ

Собрание жизнеописаний западных писателей весьма показательно – опытный глаз сразу увидит, что здесь изложена только часть правды. К примеру, описывая порог славы, ступеньку, отделяющую от литературного небытия, которую успешно перешагивают писатели, биограф ограничивается фразой: «И он проснулся знаменитым», или «По его книге был снят фильм». Но сам по себе даже дождь не идёт. Кто за этим стоял? Сколько это стоило? Предложенные анкеты не дают ответа на эти вопросы. И дело тут вовсе не в недостаточной осведомлённости их составителя, эту закулисную механику не почерпнёшь в литературоведческих справочниках, она относится к изнанке жизни.

И всё же, сравнивая даже поверхностно жизнь англоязычных кумиров 50–80-х годов, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, бросается в глаза, что, несмотря на кажущееся разнообразие, мы читаем одну биографию. Выходцы из семей среднего класса, эти писатели практически все вначале зарабатывали журналистикой, а, получив признание, преподавали в колледжах. Филологи, они образовывали братство, которое Павич удачно окрестил «вузовским интернационалом». (При этом сам автор «Хазарского словаря», безусловно, принадлежал к тому же сообществу). Его список могут пополнить также Умберто Эко, Кундера и даже Борхес, этот библиотечный червь вёл одно время семинар в техасском университете. Так в литературном мире обстояло далеко не всегда:

Чехов был врачом, Толстой – военным, Тютчев – дипломатом. Приход в литературу цехового содружества профессиональных лекторов – это явление последних десятилетий, однако сегодня их власть безгранична. Их тесный, сплочённый коллектив, в котором царит внелитературная конкуренция, не терпит чужаков.

Во-вторых, создаётся впечатление, что эти писатели-современники были между собой близко знакомы, точно выпали из одного гнезда. Любовница одного была секретаршей другого, они водили тесную дружбу, переходившую порой в родственные отношения. Сартр дал путёвку в литературу Айрис Мэрдок, Сэмюэль Беккет был литературным секретарем у Джойса. Кажется, что они принадлежали к одному узкому кругу, вход в который посторонним заказан. В прежние времена среди людей искусства дело обстояло иначе. Бах ни разу не встретился с Генделем, Толстой избегал Достоевского, и оба классика сторонились Тургенева. С середины прошлого столетия уже нельзя услышать ни одного замечания в адрес собрата по перу, преодолевшего барьер известности, публичная критика считается дурным тоном, кричащую безвкусицу в лучшем случае обходят молчанием.

Это ли не апогей политкорректности?

«Публика всё сожрёт», – говорил один чеховский герой. И с этим трудно не согласиться. Так ли была интересна тема подростковой агрессии в более чем спокойном СССР? И, тем не менее, на кухнях вместе с посудой гремел «Заводной апельсин». А похищение, совершенно неизвестное нам до чеченских зинданов, но ставшее популярной темой на Западе ещё в шестидесятые? Её разрабатывали Фаулз в «Коллекционере», Кобо Абэ в «Женщине в песках», не обошлось без неё и в каннибальском бестселлере «Молчании ягнят». Эти романы затрагивали чужие, далёкие от нас проблемы,

не вызывая глубинного сопереживания. Не заставляя ни плакать, ни сострадать, они не делали лучше. Откуда шло тогда повальное увлечение ими? Не последнюю роль здесь сыграл эффект запретного плода, но главное – перевод. К чужим реалиям всегда относятся с известной степенью допуска, прощая (или просто не замечая) многие несуразности. Перешагнув языковой барьер, иностранные произведения остаются загадочными, как вуаль незнакомки. Но уберите из них англицизмы, галлицизмы или ориентализмы, переложите их сюжет на российскую почву, и получатся книги, про которые Бунин говорил – их стыдно читать.

Вручение многим из перечисленных писателей Нобелевской премии послужило прологом к сегодняшнему положению дел в шведском комитете, когда её лауреатами становятся фигуры откровенно политизированные, будь то австрийская феминистка или китайский диссидент.

Впрочем, приход в литературе посредственностей с крепкими кулаками – явление не только западное. Параллельно тот же процесс шёл в СССР, у них Грэм Грин – у нас Юлиан Семёнов, у них зажигали искусственные звёзды – у нас не отставали. Айтматов, Распутин, Астафьев переводились и популяризовались, однако к ним также подходит выражение Бунина. Этих русскоязычных авторов сегодня не вспоминают не потому, что они хуже своих западных современников, а лишь потому, что рухнула выпестованная их система.

Кто в сегодняшней России помнит Фолкнера и Сартра, которыми зачитывались в СССР и которых Набоков называл «ничтожными»? А на Запад поставлялись цензурированные партноменклатурой, проверенные советские писатели: Михалков, Леонов, Федин...

Но не Юрий Казаков!

И эта традиция продолжается.

В качестве наследника Гёте и Шиллера нам предлагают Гюнтера Грасса, немецкие читатели составляют представление о русской литературе по дашковым и ерофеевым.

На чём же основана практика официальных переводов, чем мотивируется выбор того, а не другого произведения? Свет на этот вопрос пролил мне несколько лет назад знакомый литератор, не написавший ни одной вразумительной строки. Он вернулся тогда с писательской конференции в Лондоне, и на мой немой вопрос ответил: «Пригласили организаторы...» Я не смог скрыть удивления, и тогда он объяснил: «От каждой страны, по линии ЮНЕСКО, да и не только, существует шорт-лист ведущих авторов, никто за рубежом и знать не хочет об их литературных достижениях, но, когда возникает необходимость пригласить кого-то из России, используют именно его».

Попадание в списки определяет сегодня значимость в литературе, хорошим тоном считается держать марку публичных, доступных, демократических писателей. Талант – дело десятое, главное – исполнять представительские функции. Так складывается международная коллегия с пэн-клубами, круглыми столами и телевизионными интервью по правам человека, этой визитной карточкой глобализации. Ориентированное на обезличенного потребителя, современная массовая культура не требует качества, поэтому в ней то и дело возникают из небытия детские сказочники куэлью и претенциозные псевдокультурологи дэны брауны.

Неудивительно, что печатное слово уже полвека теряет позиции, это писатель был пророком, литератор – фигура шоу-бизнеса.

ОТ ХРИСТИАНСТВА К ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Не собирай богатства на земле, ржа и моль поест их», – учили в средневековых школах, и эта заповедь, ограничивала тёмные века созданием лишь необходимых благ. В глазах цехового ремесленника Рокфеллер выглядел бы язычником, Билл Гейтс – сумасшедшим. Вопрос о превращении человека в обывателя, мещанина, пошляка, наблюдаемого ныне повсеместно, приобрёл историческую актуальность не так уж давно и интересен в различных аспектах. Эта метаморфоза личности стала предметом чеховской литературы, этот же поворот в общественном сознании – темой этнической психологии. Вернер Зомбарт в «Этюдах по истории» принимает за точку отсчёта XII–XIV века, когда целью хозяйственной деятельности перестаёт быть удовлетворение насущных потребностей. «Стремление к накопительству, – пишет Зомбарт, – наблюдавшееся до этого лишь у евреев, заразилось сначала католическое духовенство, а затем и целые страны, выведя на сцену народы торгашей – голландцев, флорентийцев, генуэзцев, венецианцев». Жажда наживы охватила все слои, алчность стала главной доминантой, а погоня за прибылью – основной движущей силой. Предприимчивые и непоседливые схлынули в колонии, в метрополиях остались посредственности, введшие в обиход займы, проценты, понятие оборота и презренное ростовщичество. С тех пор мир начинает принадлежать заурядности, этническую мозаичность Вселенной затупшевыивает серость.

Некоторые полагают, что страсть к обогащению

рождают технократические сны. Макс Вебер выдвинул тезис о связи капитализма с протестантизмом, Гумилёв считает капиталистический ген наследуемым, а «капитализацию» духа – этапом этногенеза. Но как бы там ни было, перелом, который внесли столетия раннего Ренессанса, очевиден. Докапиталистический человек жил внутри нации, обычаев, мифов, традиций, привязанный к земле, не искал лучшей доли вне родного очага. Он был замкнут в тюрьме общины, деля мир на «своих» и «чужих». С соседом его объединял язык, вероисповедание, буйство природы, память предков, стрелы врагов. Ныне человечество унифицируется, границы «своих» и «чужих» размыты, остаётся только одинокое «я» со свободой ветра на пепелище. И действительно, что может объединять толпы одномерных людей, бродящих по улицам мегаполисов? Чудовищные миграции, неукоренённость, космополитизм, свалка Интернета и родина, выросшая до масштабов планеты, влекут отчуждение и ксенофобию, помойка философии и текучесть идей – невроз заблудившегося в пустыне. Крушение тесного корабля Средневековья оставило человека посреди океана на утлом плоту, сколоченном собственными руками. Естественных людей связывали узы сословий – экономических цементируют деньги. Времена упростились, рухнула система аристократии с её лабиринтами церемониальства /у нас эту роль играл «блат»/, круг знакомств стал очерчиваться банковским счётом, уравнивающим простолюдина и благородного, делающим мольеровского мещанина надуманным персонажем. Происхождение и образование померкли перед блеском золотого тельца, которому поклоняются в пустыне современных родов, где гамму отношений регламентирует кошелёк, а способности заменяет способность делать деньги. Азбуку монетократии постигают с молоком матери, её впитывают из витающего среди небоскрёбов воздуха.

Современный горожанин лишён суеверий, исканий, метафизики, его не отвлечёт умозрительными обещаниями, религиозной манной и рецептами духовного спасения, их журавлю он предпочёл синицу обустроенного быта. Его иерархия прозрачна, а закон прост: «Деньги – это наслаждение». При этом его эпикурейство лишено философской начинки, он *знает* своё предназначение: над нациями возвышается Потребитель. Сегодня их орда требует от государств гарантию потребления, за неё голосует на выборах. Это костыль, избавляющий от одиночества и затерянности, сужающий мир до магазина, его ценности – до ценника. В этом сущность демократии, в этом капкан цивилизации. Сумрачный лес заменили французским парком с постриженным газоном и броскими ориентирами, блуждать в силиконовых джунглях – удовольствие, бытийный страх сведён здесь к щекотке нервов, выбор дороги – к выбору товара. Это оранжевая, игрушечный рай, над которым дамочловым мечом висит скука. Если Средневековье пребывало в лоне церкви, то сейчас церковь погружена в цивилизацию, затерявшись одной из сносок в бесконечном перечне её услуг. Надежду на коммунистический рай и Царство Небесное заменили унылые идеалы клерка и убожество американской мечты. Взамен утраченных иллюзий опорой и поводырем стал доллар, приземливший витавшее в облаках человечество. Хиппи и битники превратились в яппи, бунтарей шестьдесят восьмого сменили аккуратные исполнители, конбедитов – биллы гейтсы.

Великороссы задержались на этом пути, закат Европы пришёл к нам с опозданием. У нас всё противилось рынку – и менталитет, и православная вера, и гигантская территория. Если христианский мир Запада умер в эпоху Реформации, которая под маской религиозной терпимости принесла равнодушие, то Россия примерила теократию даже в её атеистической противоположности.

Но сегодня, уставшие от героизма отцов, мы входим в фазу инерции: довольства собой, безразличия и духовной обскурации. Это и есть золотая осень цивилизации. Социализм, капитализм, демократия – вывески меняются, поведенческий стереотип диктует новые идеологические клише, как настроение – мысли, желание – слова.

У каждого возраста свой аромат, переход из одного в другой подвергает опасности. В такие моменты душа народа умирает, чтобы родиться вновь, и это делает его уязвимым, как меняющую кожу змею. Люди с прежними установками – осколки прошлого, их трагедия – трагедия положения. Осуждать их глупо, жалеть – тем более. Сравнить этические системы – значит рассуждать о координатах, о предпочтении блондина брюнету. Холодная война закончилась, но борьбу этносов прекратить невозможно. Сегодня она превратилась в борьбу за права человека, за насаждение общечеловеческих ценностей, даря национальную идею, заставляя сосуществовать если не на основе христианской любви, то хотя бы из страха совместной гибели.

МИМЕСИС И ТРАДИЦИЯ

Согласно классификации Тойнби, общества разделяются на традиционалистские, развитие которых определяется законами предков, и те, которые движутся за счёт подражания наиболее успешным своим представителям. «Первые – устойчивее, вторые – динамичнее», – считает Тойнби, в качестве примера приводя Китай и Западную цивилизацию. Однако в его трудах остаётся в стороне нравственное содержание общественных формаций, не сравнивается этическое ядро, определяющее в конечном счёте степень психологического комфорта в них. Конфуцианская модель предполагает для чиновников длинную лестницу, восхождение по которой регламентировано веками, абсолютизм раздаёт власть по праву рождения, а кто способен проникнуть в демократически правящую элиту? Помимо выдающихся талантов здесь требуется работа локтями, а так как победа нечистоплотности над щепетильностью гарантирована, то наверху всегда окажется наиболее ловкий, прививая «низам» свой иммунитет к морали. Стало быть, в мире свободной конкуренции, осознанно или нет, усваиваются уроки энергичных людей, сделавших себя различными путями, ни на одном из которых нет места порядочности. Перенимая стереотипы их поведения, скрашенные эвфемизмом «либеральных ценностей», низы дают выход животной силе, за счёт которой и осуществляется прогресс. Таким образом, отсутствие нравственного начала коренится в самой сути общественного устройства, основанного на мимесисе, оно является основным

движителем, рычагом, обещающим перевернуть мир. В обществах традиционалистских природу индивидуума сдерживает каркас системы: справедливость, отнесённая вглубь веков, становится самодовлеющей – перед древним законом, как перед Богом, все равны. Традиция предполагает развитие с оглядкой на прошлое, авторитеты которого за тысячелетия превратились в идеал. Мимесис ориентирует на настоящее. «Не смотри на мёртвых, подражай живым, – учат его апологеты, указывая на счастливых современников. – Стоит сделать шаг, чтобы занять место бога, ведь до “звезды” рукой подать». Это, конечно, обман. Но он подкрепляется визуально: идеал трудно вообразить, зато идола можно потрогать – его улыбку тиражируют СМИ, и кажется, что по силам стать таким же.

В обществе, построенном на мимесисе, динамика становится самоцелью. Комфорт тесно связывается с техническим прогрессом, однако противоречивая связка «общество – личность» таит в себе множество парадоксов: во внешне привлекательном обществе, где царит видимое благополучие, каждый может чувствовать психологическую неуверенность. «Вы бедные», – бросили как-то упрёк монашеской общине. «Мы стремимся сделать людей не богатыми, а счастливыми», – с достоинством ответили монахи.

И действительно, счастье деньгами не измерить.

В обществе, ориентированном на традицию, произошедшее имеет долгое эхо, при мимесисе события мгновенно устаревают. Раз за разом переосмысливать прошлое, различая отзвуки далеких парадигм, – занятие, безусловно, скучное, но и бесконечная гонка за новизной оборачивается беготней по кругу. В любом обществе борются две тенденции, склоняя чашу весов в свою сторону, преобладает то одна, то другая. Но сегодняшнее «живи настоящим» очень близко к римскому «сагре

diem», за которым, как у мотылька, проглядывает скорая смерть. Мимесис, как допинг, стимулирует на время, чтобы потом привести к депрессии. Именно в этом видится мне причина сегодняшнего кризиса Запада, который сумел за его счёт совершить отрыв на короткой – в четыреста лет – дистанции и выдыхается на исторически более длинном пути. Парить в облаках можно, лишь оторвавшись от корней. Но это чревато падением. Когда застойный капитализм перестал обеспечивать ротацию, а его застывшие, как иконы, лидеры, перестали пробуждать желание стать такими же, нарушился принцип мимесиса, что с неизбежностью приводит к духовной деградации, омертвлению всего организма.

История России всегда имела ярко выраженную традиционалистскую направленность. Исключение составляют эпоха Петра и сегодняшний день. Эти времена выпадают из привычного для неё хода вещей, они идут вразрез с психоэтнической установкой русского народа. Судить о Петровской эпохе трудно, но нравственная суть современной России – и здесь свидетельствуют глаза – сводится к беспринципности олигархических группировок и тусклому сиянию демократических «звёзд». Кое-кто им завидует, многие подражают, но все – ненавидят. Такого не было ни при монархии, ни при Советах. Ибо тогда сохранялась приверженность старине с её общинным подходом к государственному строительству. Сталин позиционировал себя как Старший Брат, внушая страх, он требовал обожания, но не подражания, его образ не дразнил мыслью: делай, как я, и станешь мною. Цесаревич, которому власть доставалась по праву рождения, был доступен сомнениям, убеждённости демократических вождей чудовищна – из их среды вряд ли явится апостол Павел. Поэтому не случайно, что они не вызывают желания подражать. В консервативном обществе перед монархом, как перед Богом, все равны,

потому что руководил царь, но правила Традиция. Сегодня культ личности распался на культтики, кумиров творят на конвейере, демонстрируя, что каждый может занять их место. Запущен механизм американской мечты, но он плохо действует – русские не верят, а стало быть, не крутят экономические колёса, устремляясь за привязанной впереди морковкой. На Руси всегда охотнее брали пример с литературных и мифических персонажей, чем с живущих рядом. Потому что они идеальнее, потому что русское зрение проникает в суть вещей, выраженную в поговорке: «От трудов праведных не быует палат каменных». При этом завидовать обитателям белокаменных палат допустимо, однако подражать – и в неразборчивости средств тоже – желания не возникает. Возможно, причиной тому православная традиция, возможно, русская лень, но ясно, что психоэтническая установка в России противоречит государственной модели, рассчитанной на мимесис.

Каждому поколению кажется, что оно живёт самостоятельно, но оно обречено на жизнь, которую уготовили ему отцы. И потому все поколения потерянные, им остаётся лишь облегчить будущее детей. В этом смысле выбор всегда остаётся, фатально необратимого развития не существует. «Мимесис» и «традиция» – только крайние категории, истина посередине. Хотелось бы помнить об этом и в «эпоху застоя», и сейчас, в эру реформ, когда Россия носит пиджак с чужого плеча, доводя его фасон до гротесковой формы.

GO EAST!

/Аргументация одной идеи/

Вот уже триста лет Россия, словно незванный гость или пасынок, стучится в закрытую дверь Европы. Когда мы были сильными, во времена Екатерины или Советского Союза, нас боялись, когда слабыми – бесцеремонно указывали на порог, но нас всегда не любили. Для европейцев мы были, есть и будем инородным телом, варварами, чужаками. Мы и на самом деле чужаки. Вместе с бритъём бороды Пётр привил русским комплекс европоцентризма, от которого Россия неизвестно чего больше – выиграла или проиграла. От ощущения собственной ущербности Россия, то рядящаяся в прусские мундиры, то прилежно изучающая французский язык, не может избавиться до сих пор. Именно этот подростковый вывих сознания заставляет шарахаться из стороны в сторону, именно он, трансформировавшись в болезненную самокритичность, тормозит самобытное развитие, заставляя всё делать с оглядкой. Православно-христианская цивилизация – младший родственник и вечный ученик Западной, считает Тойнби, и он, безусловно, прав. Нас не хотят, а мы слишком горды, чтобы смириться с участью отвергнутого жениха; мы, точно недоучка-школяр, занимаемся самобичеванием, стучим себя кулаком в грудь и старательно подражаем манерам, по характеру нам несвойственным. Мы удивляемся, почему же нам не удаётся сдать экзамен суровому наставнику, мы всё надеемся, но у нас так ничего и не получается. Россия последних столетий – это пересмешник,

охрипший в неудачном подражании чужому пению, изнемогший в неумелом копировании и скороспелых компиляциях. Впрочем, подобные мысли не новы, они высказывались почти всегда. Особенно модными они были на рубеже XIX и XX веков, в эпоху смутного предчувствия катаклизмов и надломов. Н. С. Трубецкой, Эрэнжен Хара-Даван, предложенный термин «Азиопа» вместо «Евразии», хрестоматийные «Скифы» Блока с эпиграфом Соловьёва: «Панмонголизм! Хотя имя дико, но мне ласкает слух оно», – некоторые примеры их воплощения. А в глубине веков мы видим раскол и староверов, бежавших в азиатскую Сибирь от просвещённой Европы. Однако триста лет торжествуют «западники», переписывается официальная история, коробится естественная для народа мораль. В угоду европейским стандартам на многонациональное государство примеривается узкий кафтан национального, скажем, германского, этнически однородного, где за века реформаторских уوبيц инородцы были истреблены и где 97% населения – немцы. Результат налицо. Собирательство земель вокруг Москвы – историческая миссия русского народа – оказалась выполненной, мы получили страшное давление с Запада. На нынешнем этапе это месть в виде расширения НАТО. Приёмом в его ряды Эстонии и, в недалёком будущем, Грузии Россию хотят обложить, как медведя в берлоге, в её куцей европейской части, лишая Балтийского и Чёрного морей. Однако Россия так и не изжила в себе имперское мышление – наследие Калиты, 85% денег страны находятся в Москве. Как же реально видоизменить русский менталитет, как его слегка подправить?

В угоду своей геополитике Пётр заложил Петербург. Это был поворот, движение на Запад, технический, энергетический, витальный центр тогдашнего мира. Это был переворот в русских умах. На этом пути были

свои достижения и неудачи, победы и поражения, свои плюсы и минусы. Однако эта политика исчерпала себя, сегодня мы наблюдаем её крах. Ни о какой интеграции в семью европейских государств не может идти и речи. Нам не предложат равноправия, нам не простят веков противостояния. А мы всё-таки не пережившая величие Греция, с её карманным парламентом Уолл-стрита, мы не можем жить прошлым. Но дело даже не в этом. А в том, что изменилась ситуация. Закат Европы и бурный расцвет Юго-Восточной Азии обещает смещение мирового центра в Восточное полушарие. И Россия, в отличие от старушки Европы, имеет уникальную возможность опять оказаться в его близи. Владивосток, Находка, Сахалин – богатейшие, неосвоенные места, порты Тихого океана, мягкий морской климат, близость индустриальных Японии, США, Канады, Южной Кореи, огромный китайский рынок и сверхдешёвая рабочая сила, а главное – близость к очагу роста, деловой активности, сгустку пассионарности, если употребить терминологию Гумилева, – всё это делает перенесение центра тяжести на Восток весьма заманчивым. Концентрация перерабатывающей промышленности и высоких технологий на русском дальневосточном острие сулит не меньшую выгоду, чем и прямая торговля с азиатскими сверхдержавами. Здесь напрашивается аргумент от противного: если этого не сделать, не оказать компенсирующего давления, то рано или поздно эти земли падут под демографическим напором жёлтой расы. В случае осуществления проекта проблемы с третьеразрядными Эстонией и Кавказом, разногласия с Украиной из-за лужи Чёрного моря станут мелочь мелкого – где-то там, на Западе, как сейчас где-то там на Востоке... На первую полосу выйдут отношения с передовыми США, Японией, гигантским Китаем. Из задворков Европы мы действительно превращаемся в мост, связующий её с набравшей

силу Азией, в нас сразу появляется заинтересованность. Мы становимся партнёром Запада, его авангардом */а не буфером, каким являлись до сих пор/*, при его взаимодействии с дальневосточными культурами. В сущности, эту роль нам всегда и навязывал Запад, – мы от неё столь же упорно отказывались, не замечая собственной выгоды. Может быть, век назад её и не было, зато сейчас она очевидна.

Движение на Восток, и, как его символ, перенос туда столицы, возможно, и станет той конкретной идеей, воплощение которой и позволит нации встряхнуться наконец ото сна застоя, мелочных внутренних разборок, отрешиться от сложившихся коррумпированных форм Старого Света. На стройке обычно закладывается иная мораль. Туда устремляются молодые, энергичные люди, соблазнённые иллюзией лучшей доли. Именно сейчас, как ни странно, настал удобный момент – переселение из разорённых экономическим реформаторством городов и деревень Европейской части. Молодая кровь должна вдохнуть новую жизнь в пустынные края; для России это спасительное, осмысленное кровопускание.

Конечно, это программа десятилетий, конечно, потребуется частичная переориентация сырьевых баз Урала и Сибири, создание дополнительной инфраструктуры, существенное улучшение дорог и железнодорожных узлов. Конечно, потребуются огромные капиталовложения, которых нет. Но ведь это и будет подлинная, а не мнимая перестройка российского дома. Калифорния тоже строилась столетие. При этом традиционные мегаполисы Москвы, Петербурга, как и Нью-Йорк, никуда не денутся, играя роль второго, исторического центра. Не пора ли убедиться, что для такой огромной территории, как Россия, одного центра явно недостаточно. И ещё. Если бы всё шло хорошо, то не нужно было бы никакого движения, которое есть всегда Ответ на Вызов,

плод отчаяния и плохих времён. И Петербург появился не от хорошей жизни – после неудачного правления Софьи, стрельецких бунтов и поражений в Крыму.

Волею судеб из гибнущей Византии искра православия была некогда занесена на Русь, где возжётся факел культуры-преемницы. «Москва – Третий Рим, а четвёртому не бывать», – категорично заявил пятьсот лет назад псковский монах Филофей. Теперь обстоятельства подталкивают к тому, чтобы на эту роль претендовал Владивосток.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ

Отличий, конечно, много: и трактор вместо плуга, и президент вместо короля, и телевидение вместо слухов. Но так ли мы далеки от Средневековья? Обольщаться не стоит: за демократической фразеологией проступает неизменная суть – всё те же доли процента стоящих у власти и остальные, которые видят себя лишь в кривом зеркале СМИ. Мир средневековых людей населяли ангелы и демоны, точно так же, как наш – образы экрана; их окружали проповедники крестовых походов, нас – поборники войны с международным терроризмом. Виртуальная реальность всепроникающая, как сплетни, но Средневековье оставляло всё же больше свободы. Разве сравниться императорским фискалам или полуграмотным сборщикам оброка со всевидящим оком налоговой полиции? Разве глашатай на площади идёт в сравнение с нейролингвистической проникновенностью рекламного ролика? Мы включены в общественную систему куда сильнее, и это плата за комфорт. Наше тело имеет теперь возможность за сутки преодолеть океан, но душа всё больше закрепощается. Если средневековый ленник видел своего господина только по праздникам, то мы своего начальника – каждый день. Вассальную зависимость сменила психологическая, куда более крепкая, она не записана в гроссбухах магистрата, она впечатана в сознании.

Как и тысячу лет назад несколько августейших фамилий находятся у власти, остальные – у разбитого корыта. Раньше их кормили мифом о Божьем помазаннике,

теперь – легендой о демократическом избраннике. Однако в фокусе всеобщего внимания по-прежнему остаются «уважаемые люди»: богачи, политики, «звёзды» шоу-бизнеса, редко – учёные, мастерские – никогда. В сущности, люди не видят себя: в качестве отражения им предлагают виртуальную реальность, весьма далёкую от их жизни, имеющую сомнительное назначение их развлечь. Если в «тёмные» века обыватель находил истину в церкви, то в постхристианском обществе его отлучили от средневековых суеверий, прививая аудиовизуальные ценности. Теперь образ мыслей задают говорящие головы телеэкрана, а взгляды корректируются выпусками вечерних новостей. По сравнению с прошлым подобная практика приводит к общественной унификации, к осреднённой массе узких специалистов и полному исчезновению мыслителей. Как и предшественники, постиндустриальные феодалы боятся потрясений, их герольды зорко наблюдают за малейшим проявлением недовольства, искореняя бунты в зародыше – в сознании. Ежедневная пропаганда пугает революциями с их ужасом и кровью, обрекая тысячи лет смотреть рекламу кока-колы и слушать рассуждения о преимуществах галстука в горошек. На смену средневековой ночи пришло общество потребления. Его апологетика сводится к тому, что оно максимально обеспечивает технический прогресс. Но зачем обществу нужен прогресс, при котором большинство несчастно, – остаётся загадкой.

Очередная попытка построить вселенскую империю на старых принципах управления – это глобализация. Горстка избранных – королевская семья, остальные – за пределами истории. Конечно, появились международные организации, парламенты, гигантский чиновничий аппарат, но и население планеты выросло в тысячи раз. За счёт демографии королевская свита превратилась в средний класс, но процент отношения правящей элиты

к народной массе остался прежним. Как и аристократическое презрение к простолюдинам. Иначе чем объяснить столь низкий уровень массовой культуры? В тёмной, неосвещённой деревне ярко горели окна средневекового замка, на которые, задрав головы, смотрели из лачуг обделённые судьбой. Но разве не играет ту же роль трансляция о вручении «оскаров» или освещение очередного саммита восьмёрки развитых стран?

Нам внушают, что мы бесконечно далеки от феодальной иерархии, что президентский кортеж коренным образом отличается от рыцарской свиты. Нам доказывают, что президенты меняются согласно срокам, установленным конституцией, но и короли смещали друг друга приблизительно с той же частотой, – а разве победа на выборах не разновидность борьбы за власть? Да и так ли важно рядовому избирателю, будет ли им править сын умершего короля или преемник ушедшего в отставку президента? Какая ему разница, перешла ли власть к Бушу младшему по праву рождения или демократическим путём, ведь ни та, ни другая система не гарантирует, что верховное кресло займёт достойнейший. Не стоит также забывать, что застойный капитализм не обеспечивает ротацию, выдвигая на руководящие посты людей из давно сложившейся среды плутократии. Постиндустриальный феодализм поддерживает иллюзию сопричастности, обывателя уверяют в принадлежности к правящим кругам, а он и сам рад обмануться. На самом деле от его голоса зависит не больше, чем в Средние века. Лицемерия, впрочем, всегда хватало: «*vox populi – vox Dei*» появилось не вчера. Да и неизвестно ещё, с кем больше считались – с собратом по христианской общине /а именно её декларировали себя феодальные государства Европы/, или гражданином постхристианского общества, любить которого конституция не обязывает.

Таким образом, если отрешиться от демократических

клише, то мы увидим, как под игрой в панибратство и техническими новшествами проступает вечная суть человеческих отношений, которые определяют всё то же незыблемое мироустройство.

НЕВЫНОСИМАЯ ЛЁГКОСТЬ ВЫРОЖДЕНИЯ

Сейчас в России можно услышать разговоры о новом языке, литературе, отражающей сегодняшний день, об искусстве, сменившем ветхие, отжившие свой век одежды. Однако новое отнюдь не подразумевает восхождение, движение, возводящее к вершине, зачастую оно ведёт в противоположную сторону. Происходящее в наши дни распространение Западной цивилизации, то, что называется глобализацией, подразумевает выравнивание культур, смену пёстрого халата однотонной демократической туникой. Оставим в стороне вопрос, выиграет от этого мир в целом или нет, ясно другое, что под общечеловеческими ценностями, которые должно исповедовать будущее человечество, понимаются западные мораль и образ жизни. Это непрерывное давление, о котором так красочно и убедительно писали ещё Тойнби и Фукуяма, в последнее десятилетие нашло своё отражение и в России. И русское искусство в полной мере заимствует чужие старые, мёртвые приёмы, не предлагая ничего своего.

Вот смысл современного обновления России, никакого другого подтекста в происходящем я не вижу...

И если бы эти песни давно забытых цитат, эти перепевы массовой культуры, культуры мозолей и бензokolонки, вызывали бы эффект сопричастности, находя отклик, как залог истинного искусства! Однако, если посмотреть глазами простодушного или ребёнка, то происходящее вызывает по крайней мере недоумение.

Взрослых потчуют культурой подростков, музыкой, рассчитанной на подвижные мышцы и не устоявшийся вкус. К ним обращаются на языке гениталий, взывая к животным инстинктам, приводя аргументы ниже пояса. Я часто представляю себе мужика где-нибудь в Тамбовской губернии, который долгими зимними вечерами смотрит сериал про голливудских красавиц, с их проблемами роскошных вилл и мерседесов, усилиями синхронного перевода он вживается в образы загорелого плейбоя или состоятельного банкира, наследующего все блага, но не имеющего любви, и вызывающего по замыслу режиссёров сострадание.

Неужели к 99% показываемого и напечатанного можно относиться всерьёз?

У кино и литературы осталась одна функция – развлекательная, но искусство, ставшее товаром, умирает. Отсюда постоянно реанимируемые трупы бестселлеров, воскресающие на книжных развалах каждый сезон в новой обложке, но со старым содержанием, и благополучно забываемые вместе с последней страницей. Скандальная биография автора должна быть интереснее его книг, а шрифт крупный, чтобы читался в транспорте. Налицо эффект тотальной «поттеризации». Впрочем, в деградации, как известно, некая надёжность. СССР в первую очередь пострадал от массы получивших образование, но так и не нашедших удовлетворение своим запросам, от массы, считавшей себя лишней и относящей все беды мира к недостаткам Системы.

Я жил в Москве, а теперь, никуда не выезжая, в одной из европейских столиц. Дух моего города умер. Я не ретроград, но и не слепой: раньше в тёмном, неосвещённом городе светились улыбки, теперь в блеске уличных витрин – мрачные, озабоченные лица. И над всем витает одиночество. Светская жизнь переместилась в телевизор, виртуальная для миллионов, она старается

бесчисленными сплетнями и постельными сенсациями оккупировать кусочек сознания, будучи абсолютно бесполезной. Это назойливое внушение, внедрение пустых, ненужных сведений заменило идеологию, вместо советских лозунгов – кривляние «звёзд», диктат цензуры сменился убожеством и пошлостью.

Складывается ощущение, что вместо реальности подсовывают имитацию, фантик, убеждая, что настоящая жизнь существует только напоказ, на плёнке, точно демонстрация высокой моды, которая к зрителям никакого отношения не имеет. Всё, что делается, делается для камеры, основной, востребованный талант – талант актёра, и это приводит к раздвоенности между серой обыденностью офисных будней и вечерней порцией экранного дурмана. Создаётся впечатление, что, стоит протянуть руку, и вы попадёте на церемонию награждения. Но присуждение премий, вся эта игра в «номинашки», сводится к распределению известности среди узкого круга, вход в который за семью печатями. Билет выдаётся только своим, и талант здесь – дело десятое. Поэтому мы и имеем то, что имеем.

Россия стала частью мира – Россия безумна и больна.

С технологиями забалтывания цена слова падает, а расценки за возможность говорить и быть услышанным растут. Свобода слова превращается в свободу слушать и соглашаться. Борьба с инакомыслием оказалась излишней, теперь каждому позволено иметь мнение, от которого ничего не зависит. И тут у каждого – своя роль. Говорящие головы помогут определиться с выбором, решить тест, где в нужном месте требуется поставить галку, помогут выбрать из готовых рецептов единственно правильный, ангажированные (а других нет) критики расскажут про одиннадцать Оскаров у фильма, вход на который старше шестнадцати строго воспрещён. Школа живописцев умерла, каждый недоучка теперь смело

берётся за кисть, чтобы как попало сажать на холст пятна, а писатели лезут из кожи, не зная за какой бок ухватить читателя, как бойкая торговка, готовая на всё, лишь бы продать свою сомнительную продукцию. На этом пути в никуда толпами встречаются чаки паланики и акунины, но Достоевский не явится – он не востребован. Кажется, уже невозможно придумать рекламный образ более идиотический, однако её авторы изощраются: следы кренинизма у персонажей проступают всё отчетливее. Они точно соревнуются: хорошим тоном стала кунсткамера, галерея ухмыляющихся даунов.

Таким образом, СМИ проводят тотальную лоботомию. Но одиночество, изнанка индивидуализма, вновь и вновь гонит к телевизорам. Всё преходяще, технические достижения через десять лет выглядят безделушками, единственный непреходящий дар – общение, живое слово. Но и здесь собеседника заменил образ в интернетовских сетях, где легко не терять лица, его спрятав. Сосед из плоти и крови отчуждается ради эфемерного, виртуального, с которым легче сохранить дистанцию, не рискуя увидеть глаз.

Сегодняшние узники офисов, пленники белых воротничков решили для себя загадку бытия: они пришли в мир, чтобы заработать деньги, и уйдут с чувством исполненного долга. Пропагандисты всех мастей призывают к обогащению, внушая, что в деньгах счастье, сводя мораль к капиталу, имиджмейкеры всюю стараются над образами нуворишей, выскочек последнего десятилетия.

Но, как бы они не старались, плутократия для русских надолго останется властью плутов.

Мао говорил: «Народ – это чистый лист бумаги, на котором можно ставить любой иероглиф». Мы быстро привыкли, что всерьёз обсуждается эстетика дорожных щитов, сравнивают достоинства видеороликов, что

взрослые люди кривляются, стараясь выглядеть как можно комичнее. Мы привыкли, что у каждого своя цена, что люди за сомнительную известность готовы оголить зад. Общество потребления сводит историю народов к истории торговых марок. Скажут: «Реклама – необходимое зло». Но пугают масштабы этой необходимости. Скажут: «Вы говорите о массовой культуре». Но другой нет.

И за всем этим стоит презрение к безмолвному, оглушённому демосу.

КПД ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Полагаю, он составляет доли процента. Каждому приходилось видеть массу загубленных талантов: миллионы эйнштейнов вынуждены заниматься Бог знает чем, множество рембрантов растрачивают силы, продвигая на рынке остроносые ботинки или галстуки в горошек. Мой приятель, будучи студентом, «открыл» модель многоэлектронного атома, за которую полвека до этого присудили Нобелевскую премию, автор этих строк самостоятельно построил вероятностную логику Заде и трёхзначную логику фон Неймана. Перед моими глазами прошли десятки одарённейших людей, спившихся, не нашедших приложения своим знаниям. А разве им много предлагали? Разве у них был выбор? Гениев рождается значительно больше, чем представляется, но не все они с кулаками, не всем улыбается судьба. И миру невидимы их слёзы, ему безразлично великое множество загубленных жизней. В США по статистике только третий выпускник университета устраивается по специальности. И это в самой развитой стране! Создаётся впечатление, что продвижение по общественной лестнице обратно пропорционально способностям. Уж если сверхдержава являет нам красноречивый пример в лице своих президентов, то какой спрос с остальных? Человечество тормозит себя, отдавая руководящие роли злой посредственности, транжиря генофонд в бессмысленных занятиях. Не как выжать копейку, а как предоставить поле для творческой деятельности – вот о чём следует думать. Считается, что первое влечёт второе. Но это не

так. От воздаяний кесарю налоги Бога не растут. Известна фраза Бердяева о том, что государство не гарантирует рай, оно оберегает от ада. Однако этого слишком мало. Создать условия для раскрытия способностей каждого гражданина – вот назначение общества, вот в чём состоит его главнейшая задача. Подобное декларировали коммунисты, но в сегодняшней демократии эти далёкие цели даже не обозначаются. Я согласен, что коммунистические лозунги выглядят несколько наивно, однако, как придти в нужное место, не заявляя о конечной точке маршрута, не укладывается у меня в голове.

Мир населяет армия лишних людей. И это вопрос не только организации, но и морали. При таком отношении к личности, приходится удивляться, как вообще происходят открытия и создаются шедевры. Совсем недавно Россия пережила время, когда доктора наук были вынуждены торговать носками, – большой позор трудно вообразить. Однако сколько людей сегодня сгнивает живо на бессмысленной, рутинной работе, перекладывая бумажки, от которых ни тепло и ни холодно. Сколько умных и крепких, не нашедших себя, готовы пустить пулю, ежедневно осознавая, что пользы от их занятий ни на грош. Известно, что мозг человека привлекает в работу не больше десяти процентов своих клеток. Так и человечество в целом использует свой «коллективный» мозг крайне нерационально. Да, каждые восемнадцать месяцев происходит удвоение накопленной информации, однако занимается этим незначительнейшая часть населения, в созидательном плане человечество, что бы ни говорилось, находится ещё в колыбели.

В истории всегда было горе от ума, мир от основания принадлежит серости. И сегодня ведущие позиции занимают не творцы, но импресарио, не строители, но менеджеры, не учёные, но финансисты их идей. Я надеюсь, что когда-нибудь ситуация изменится. Ведь промелькнули

же Периклов век в Афинах и Возрождение во Флоренции. Но для этого в пресыщенном «либеральными ценностями» и уставшем от бесконечной погони за прибылью человечестве должны смениться нравственные ориентиры, делающие его КПД крайне низким.

НАМ ПРЕДЛАГАЮТ УМЕРЕТЬ

В начале восьмидесятых Борхес писал: «Америка боится обнаружить имперские амбиции, опасаясь показаться врагом демократии». Зablуждение. Тогда был СССР и политика сдерживания. Безнаказанность же поощряет комплекс палача: в девяностых статуя Свободы становится символом тюремщика. Впрочем, благими намерениями устлана дорога в ад: начинают с равенства и братства, кончают зоной национальных интересов. Коммунисты тоже говорили о пролетарской солидарности, но от имперского соблазна не удержались. Власть – чудовищное искушение, медных труб никому не пройти...

Америка на наших глазах опускается до образа, начертанного советской карикатурой. Любовь к скандалам обнажает нравственный уровень людей, стоящих там у кормила. 60% рядовых граждан *de facto* одобряют ложь под присягой. При этом США взвалили на плечи роль мирового судьи. Однако у мира есть только один вечный распорядитель – коллективная воля. Для отдельного государства эта ноша непосильна. «Мене, текел, упарсин» – эпитафия всех надорвавшихся добровольцев: от Вавилонии и Рима до китайских царств и Британской монархии. И американцев новый порядок неизбежно приведёт к окостенению – болезни, от которой умер СССР.

Бюрократия – наместник Неба на земле. Ненавидимая, она вечна. Без неё не обойтись, как без смерти. Американский клерк, советский чиновник, китайский мандарин... Однако двухполюсный мир оставлял большую

свободу маневру. Но мы проиграли. В мире зла, где безраздельно господствует сила и её главный атрибут – коварство, на долю победителя выпадает торжество, побеждённому достаётся величие. Мы проиграли, значит, были лучше.

Эволюция даёт различные побеги, и СССР на её древе был не самым плохим. Десятилетие назад простодушный homo soveticus ловился на миролюбие. Его дом называли «Империей Зла», ему прививали комплекс вины. Теперь разводят руками: терпи, раз беден. В восьмидесятых нас укоряли грубой мощью, теперь тычут слабостью. Хорошо будет, когда нас не будет... В советском обществе, несмотря на пропаганду, антиамериканские настроения отсутствовали. Не то что теперь, когда любопытство сменяется отвращением... /*Мой знакомый выразил ситуацию так: «Тридцать лет назад я мечтал увидеть настоящий доллар, теперь проклинаю осуществление мечты».*/ Мы же всегда раздражали фактом существования. В недрах Запада веками тлело то, что Гумилёв называл «чёрной легендой России».

Идеология вторична. Первична только идеология силы. Ядерное оружие порвало с традиционной логикой войны. Но взаимное давление этносов ничуть не уменьшилось. Людская неприязнь выплёскивается теперь в иных формах. Битвы с полей перенеслись в сознание, определяющей стала война в умах. Сегодня частота упоминания Достоевского или Гоголя в СМИ близка к нулю. Культуртрегеры предпочитают цитаты из американских хитов. В этом и заключается приобщение к западным ценностям – нищим достаются отбросы, холодная война вступила в стадию добывания.

Православие один раз уже переживало крах. Латиняне никогда не отличались бескорыстием, они долго торговались, но так и не помогли единоверцам. Византия пала. Какую же ненависть должны были испытывать к

ним греки, чтобы папской тиаре предпочесть султанский тюрбан! И Александр Невский заключил союз с монгольскими язычниками, чтобы дать отпор людям с крестом на плащах... История склонна к повторению. В сегодняшней битве на Косовом симпатии Запада опять на стороне мусульман. Последует ли за Косово оборона Севастополя, Бородино, Сталинград? Непременно, если останемся слабыми...*

Разделяй и властвуй. Три славянских ветви в одном букете – это уже сверхдержава. Нас двести тридцать миллионов. Условность границ между Беларусью, Украиной, Россией очевидна – Полтава отличается от Брянщины не больше, чем от Закарпатья, говорить об украинизации Крыма смешно. Беловежские соглашения – шаг к воплощению старой идеи Бжезинского: врагом славянина должен стать славянин. При этом никто не спросил десять поколений, живших в одной державе, никто не вспомнил о долге перед ними. Иваны, не помнящие родства, лишены метафизики, им чуждо почтение к предкам. Однако история – бумеранг, преемственность осуществляется и в форме проклятий.

Славяне – планетообразующий народ. Наряду с китайцами, индусами, западноевропейцами, американцами, арабами... Память об этом старательно вытравляется, истребляется национальная гордость великороссов. И время работает на это – взрослеет поколение, рождённое в провинциальном захолустье */провинция, как известно, понятие не географическое/,* лишённое «имперских замашек», оставляющее их другим. Быть может, убеждающие нас смириться не видят в лакействе ничего унижительного? Быть может, здесь генетика? Ведь и в римском сенате после Канн раздавались голоса о сдаче. Но века холопства не проходят даром. Наши

* Сомневающимся напомним смех, который двадцать лет назад вызвала идея расширения НАТО.

меньшие братья – болгары, чехи и поляки – уже привыкли к окрику хозяина. Мы – нет. У нас это впереди, если мы забудем, что желание – отец достижений, а воля – их мать.

Трагедия очищает, страдания, если не убивают, ведут к мудрости. А выбор вечен – банальный выбор между молотом и наковальней. Нам остаётся занять место Африки, к чему нас усиленно склоняют */и это проигрывается сегодня как наиболее естественный сценарий/*, либо должно случиться чудо, и вырожденцы вдруг поймут, что такое их Родина.

СТУПЕНИ МОНЕТОКРАТИИ

Историю человечества можно проследить на истории денег. Так поступали английские экономисты, Маркс и Макс Вебер. За тысячелетия деньги эволюционировали от средств расчёта до всеобщего эквивалента, и за это время мир претерпел изменения от натурального хозяйства, где их роль минимальна, до рынка, где они составляют главную сущность. Категория денег приобрела философскую, этическую и религиозную нагрузку, банковское ремесло превратилось в культуру. Как случилось, что презренное, осуждаемое всеми религиями ростовщичество стало диктовать законы и нормы поведения?

Философия процентов уходит корнями в удушливую атмосферу венецианских и голландских гетто, в лавки менял, сводящих все земные ароматы к запаху денег. Пока мореплаватели гонялись за географическими миражами, открывая терры инкогнито, цепкие, слепые кроты, шейлоки и гобсеки, шли к цели на ощупь. А в эпоху прибыли средневековый джин вырвался из бутылки, заполняя в отместку Вселенную. Деньги и разделяют, и уравнивают, отсюда их притягательная сила, всепроникающие, они сметают все границы, кроме собственных, разрушая все барьеры, рубежи, разбивая скорлупу предрассудков, они выют кокон банковского счёта. Аристократию отрицает отнюдь не демократия, но – монетократия, профанирующая как идеалы коммунизма, так и христианские догмы: в денежном круговороте кто был никем, становится всем, первые – последними.

Демократия – это власть денег в чистом виде. К ней шли упорно, столетиями, через пропасти отчаяния, моря крови и бездны разочарования. Исчерпав все объекты доверия, общество получило наконец опрокинутую веру. Это выхолощенная вера, вера в денежный фетиш, отстранённый, обезличенный предмет поклонения, выходящий, как талисман, его обладателя, походит больше на суеверие, потому что сами деньги, как усиленно твердят нам их идеологи, не добры и не злы. И действительно, деньги не пахнут... Религиозные, сословные, национальные, идеологические, нравственные принципы построения общества остались в прошлом. Дух устал от тысячелетней борьбы, истощился, проиграл плоти. Современный обыватель, развращённый Реформацией, убаюканный идеями протестантизма, не способен на жертву, а значит, из христианства вынут хребет, осталась пустая оболочка. Да и смешно жертвовать собой ради лишних ассигнаций – это уже найм, совсем иной подтекст. Счастье потребления, земной комфорт вместо иллюзий рая, прибавка жалованья вместо обещания вечной жизни – это безусловная психастения, упадок воли, витальности. Сегодня, на новом витке монетократии, мы видим очередную попытку управлять миром через финансовые рычаги, опутывая его сетью денежных потоков и щупальцами транснациональных компаний, не платя за лидерство кровью. Но все торговые империи до сих пор разваливались – будь то Карфаген, Тир, хазарские рахдониты или поздний Рим. Всегда менее развитые, но сильные духом варвары обращали их в руины. Этот закон более глубокий, чем постоянно меняющиеся декорации – от финикийских галер и золотых испанских галионов до глобализации экономики и Интернета. Отсылка «грязного» производства в Юго-Восточную Азию зиждется на уверенности, что нынешний статус-кво продлится вечно, что сложившаяся иерархия, мировая

пирамида никогда не рухнет. Но стоит ли слепо доверять настоящему, текущий момент всегда лжет. В конце концов, всё держится на психологии, на всемирном соглашении, на внушении покорности миллионам, уже не силой оружия, а внедрением в сознание окончательности распределения ролей, бесповоротности Истории.

В условиях демократии правят не талантливые, не кровожадные, не святые, а расчётливые, ловкие, делающие деньги. И здесь также господствует «*cuius regio, eius religio*»*: обществу навязывается мораль телевизионного меньшинства /*как тут не переиначить тезис Протагора: «Мерило всех вещей – человек экрана»*/. Это судьбы, которых никто не выбирал, обвинители, адвокаты, палачи... Ведь охота на ведьм должна периодически повторяться – диалектика выдвигает свои требования устойчивости: коммунистам нужны антикоммунисты, демократам – противники демократии... Так что диссиденты будут всегда в цене. Вопрос в том, согласятся ли остальные терпеть это положение вещей, не возмутятся ли иерархией ценностей, при которой основное достоинство – наличие капитала, а кошелёк – пропуск в рай. Конечно, по демократическим правилам олигархов не переиграть, это их поле, их принципы, усиленно навязываемые миру фукуямами, как лучшие из возможных, но малейшее сомнение может привести к бунту, дать цепную реакцию, рассыпающую их карточный домик. Всё держится буквально на честном слове, на авторитете Запада, подкреплённого вездесущностью его политики, на почти суеверном страхе, на негласном договоре мироустройства; всё держится на ощущении непробиваемой стены; но пережившие девяносто первый год один раз уже расстались с подобным ощущением.

Мир дольний – только подобие мира горнего, земная сцена – отражение небесной баталии. Изнеможение,

* Чья власть – того и вера (лат.).

слабость, малодушие царят на театре военных действий, бурление XIX и XX веков сменилось штилем и засто- ем. Гиббон закончил свой труд о падении Рима словами: «Империя пала, началась эпоха варварства и хриси- анства». Тойнби считает восточные культы ответом на вызов легионеров Тита и Веспасиана. Но объединение вокруг меча Карла Великого остановило мусульман и было новым ответом в бесконечном диалоге с Востоком. Сегодня на колониальный вызов Запада, на экспансию христианской цивилизации получен демографический ответ стран ислама. Китайский взрыв при этом менее опасен из-за традиционного стремления жителей Под- небесной к изоляционизму и самодостаточности. Пока движение на юг ещё продолжается, мы находимся в инерционной стадии, фазе шаткого равновесия. Но на- долго ли? Надежда на высокоразвитые технологии и голливудские мифологемы – слабое утешение, всеоб- щая эйфория и ликование от победы над коммунизмом – грустные симптомы разложения. Мультиязычная пропа- ганда, басенная мораль демократического эпоса и бес- конечная сага о «хороших» и «плохих» парнях вряд ли сдержат натиск молодых народов. Сможет ли Америка, где через несколько десятилетий белых будет незначи- тельное меньшинство, сохранить могущество, созданное квакерами с их пуританской моралью и искуплением трудом первородного греха? Менталитет первых эми- грантов уже сильно разбавлен в американском «melting pot». Я не верю в унификацию по-американски, мир для этого чересчур укоренен этнически, я не верю в общече- ловеческие ценности, скорее – в общечеловеческие сла- бости. Тепличные цветы гибнут на морозе, купеческие караваны – под мечами воинов. Избрание монетократи- ческой модели заставляет отгораживаться, обрекает на искусство слабых – нанимать, стравливать, лавировать... Сделавшие ставку на вексель платят страхом.

И сегодня европейской оранжерее грозит восточный садовник, его ножницы лязгают всё ближе. И изнеженной благополучием Европе, чтобы не быть раздавленной, смытой волнами великого переселения XXI века, придётся обратить взоры на Россию. Это геополитическая неизбежность, диктатура обстоятельств, это единственный долговременный прогноз.

И тогда наступит гибель демократии как вялого и аморфного образования.

ИГРА В «КЛАССИКИ»

С некоторых пор мне стало интереснее читать биографии современных авторов, чем их произведения. Я не молод, провёл жизнь в России и, имея за плечами жизненный опыт, легко воспроизвожу недосказанное, дорисовывая воображением то, что замалчивает официальная биография. Так у меня сложилось усреднённое жизнеописание российского литератора, собирательный образ из тех, чьи имена сегодня на слуху.

Наш герой родился где-то в российской глубинке, таком-то селе такой-то области, в котором провёл детство и окончил среднюю школу. При всём моём уважении к деревенскому воспитанию, я представляю его первых учителей, заложивших основу мировоззрения. И всё же полученных знаний – честь им и хвала! – оказалось достаточно, чтобы поступить на гуманитарное отделение провинциального университета. Мы знаем, как выросло количество таких заведений за последние десятилетия и каков уровень преподавания в них. Но как бы там ни было, герой получает путёвку в жизнь. И с этого момента начинается пора исканий, его бросает, как шлюпку в шторм, он меняет множество профессий – среди которых, правда, не значится должность ассистента с кафедры языкознания, – набирается писательского опыта «в людях», как Горький или Бабель. Он переживает вместе со страной бурные девяностые и бросает якорь в столице, покорение которой начинает с редакции какой-нибудь газеты. Со временем он становится членом всевозможных писательских союзов,

пен-клубов, бесчисленных ячеек и сект, вступая в ряды политических и литературных организаций, становится своим человеком в коммерческих и государственных фондах, распределяющих денежные средства, первым в очереди на получение грантов. Заканчивая образование на факультете длинных коридоров, он не пропускает ни одной презентации, повсюду пристраивает интервью и, постоянно участвуя в телепередачах «Моё мнение обо всём», обнаруживает редкий дар иметь суждение о чём угодно. Постепенно он обрастает связями, и у него, как у опытного преферансиста, всегда «своя игра» – свои критики, свои журналы, свои премии. Правда, нет своего стиля. Но быть на коне это в наш век не мешает. А между делом, работая урывками – о, сгусток таланта! – наш герой умудряется создавать произведения, отражающие дух времени. И вот к середине своего четвертого десятка он получает известность, рассуждает о судьбах нации, литературном процессе, ослепительная мир открывшейся ему истиной. Он лауреат созданных для него премий, победитель организованных для него конкурсов, лидер сформированного для него литературного течения. Таковы этапы большого пути, таковы знатоки человеческих душ, литераторы нашего времени. Они учат больше своей жизнью, чем творчеством.

Теперь понятно, почему я предпочитаю их биографии их книгам? Они по-своему замечательны и вполне могут пополнить серию «Жизнь замечательных людей». Но только не искусство выдающихся мастеров. Они твёрдо разделяют кредо нашего времени: «Чья власть, того и искусство!», убеждённые, что в литературе делают карьеру также, как в бизнесе и политике, что и здесь достаточно добиться признания у современников, чтобы автоматически попасть в вечность, где говорят только книги. И им можно было бы простить их заблуждение – в конце концов, в литературном пространстве хватит

места и графоманам, которыми вряд ли кого удивишь, – если бы не их агрессивность, от которой страдают достойные.

Я обошёлся без фамилий, но можно смело подставить любую.

И я часто задаюсь вопросом: «А куда же делись пишущие московские интеллигенты?» Уехали на Запад? Забились по углам? Их вытеснило, замордовало нашествие варваров, великое переселение народов?

Я – столичный сноб? Вовсе нет, если речь идёт о Бунине из Воронежа или Антоше Чехонте из Таганрога. Но я ещё недостаточно постарел, чтобы не отличить сокола от цапли...

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ

Если спросить марсианина, откуда вышел язык, ставший международным, он вряд ли укажет на туманный Альбион. И действительно, его площадь составляет доли процента от суши, его население – ничтожную часть от людских ресурсов планеты. Задворки Римской империи, Англия не знала пышности арабского халифата, не испытала каролингского возрождения, её медвежий угол был ареной столкновений чужестранных дружин, её делили норвежцы, датчане, нормандские викинги. Когда в Азии сталкивались орды Тамерлана и полчища османов, она вела странную войну, которая длилась сто лет, её сил не хватило даже на покорение горстки шотландских горцев. Пассионарный взрыв в Англии, пришедшийся на царствования Генриха VIII и Елизаветы, совпал с эпохой великих географических открытий. Но и тут Англия оказалась на вторых ролях – ей пришлось отнимать пальму первенства у мореплавателей с Пиренеев. Поход испанской «Непобедимой армады» был карательной экспедицией, справедливой мстостью за постоянное разграбление королевских галионов. Каперская грамота, выдаваемая английским правительством, фактически узаконивала разбой, все эти пираты, хищно вылетающие из британского гнезда, становились адмиралами, национальными героями, ведь победителей не судят. Можно только вообразить, какой дух предпринимательства и авантюризма царил тогда,

толкая англичан на покорение мира. Сколько в их действиях должно было быть жестокости, агрессии, коварства, чтобы выйти победителями в этой войне всех против всех, чтобы утвердиться в дальних уголках земли, вытеснив своих конкурентов! По сути, Англия успешно занималась государственным терроризмом, последовательно проводя имперскую, захватническую политику. Она успешно соперничала с Францией, имея десятую часть её населения, и Германией, известной своей воинственностью. При этом, в отличие от последней в лице Габсбургов и России в лице Рюриковичей, Англия не имела заслуг перед Европой, её сыны не защищали континент от нашествия монголов и посягательства турок. Даже крохотная Португалия сражалась с маврами, даже маленькая Венгрия тупила клинки янычар! Извлекая максимальную выгоду из своего географического положения, Англия, не соприкасаясь непосредственно с чужими, враждебными мирами, постоянно интриговала, беззастенчиво пользуясь ослаблением христианских государств в пограничных войнах с общеевропейскими врагами. И здесь английская дипломатия преуспела, передав свои навыки Америке, чей дом также в безопасности за семью морями и которая всегда ловко пользовалась европейской неразберихой.

Литература, как известно, даёт представление о способах массового мышления. Почти все трагедии Шекспира, разделившего Елизаветинский век, говорят об одном – борьбе за власть. Здесь для автора нет тайн, ему ведомы все её закоулки, он словно упивается анатомией зла. И это находит отклик: спрос породил предложение. Конечно, борьба за власть шла повсюду – от императорского Рима до просторов Поднебесной, но никто не описывал её с таким сладострастием. С отложением от католицизма у англичан быстрее других развилось мироощущение «здесь и сейчас», они всё чаще

стали подменять «почему?» на «как?», глубинную метафизику на поверхностную натурфилософию. Их активность была оборотной стороной упрощения, наряду с музыкой, самым чувственным из искусств, англиканский протестантизм отверг интуитивное постижение мира, принеся его в жертву сухим схемам интеллекта. Ньютон и Максвелл затмили на острове Гегеля и Шопенгауэра. Этот поворот подкреплялся техническим совершенствованием – английские пушки стреляли дальше. Каким же должно быть чувство превосходства и презрение к чужим культурам, чтобы смотреть на мир, как на зверинец, в котором только один человек с хлыстом – англичанин в пробковом шлеме. Куда там Чингисхану и Саддаму Хусейну! «Каждый из собравшихся испытывает чувство гордости, что принадлежит к английской расе», – заявил в Австралии один британский политик, и его поддержали дружные аплодисменты. «Германия превыше всего», – осуждённый англичанами в Нюрнберге лозунг Третьего Рейха. Англосаксы охотно указывают на чужие преступления, забывая, как их сапог давил индийских сипаев, топтал буров, маршировал в Китае во время опиумных войн. Шахматам они предпочли бокс, регби и футбол, они несли грубое насилие, камуфлируя его мифом об английских джентльменах. Не азиаты приплыли в Ла-Манш, а длинный английский нос сунулся на берега Янцзы, Инда, в предгорья Фудзиямы. Но превосходство Запада последних четырех столетий, основанное на техническом прорыве, постепенно сходит на нет. Что бы ни говорилось, но человечество пока только осваивает другие материки – четыре пятых населения сосредоточенно в Евразии, колыбели цивилизации. И сегодняшняя роль Америки не более чем временная, невозможно представить, чтобы космическая станция руководила центром управления полётами. Гигантская Азия, переварив на новом витке

развития европейский опыт, рано или поздно выйдет вперёд.

Видимо, ханжество и лицемерие, оправдывающие агрессию, стали у англосаксов национальной чертой, видимо, фарисейство Викторианской эпохи вьелось им в плоть, раз они искренне считают, что несут добро, бомбя Афганистан, расчлняя Югославию, прививая демократические ценности Ираку. Каждый их шаг сопровождается политика двойных стандартов: каким же надо обладать снобизмом, чтобы не замечать этого, до какого ослепления может довести национальный эгоизм! Англичане доказали миру свою заносчивость и свой прагматизм, они умеют строить далекие расчёты, но рефлексия не сильная их сторона, такое впечатление, что они пользуются зеркалом лишь функционально – для бритвы или примерки нового платья.

Конечно, в бойне народов все хороши, за каждой нацией, как и человеком, тянется шлейф грехов. Но, думается, англосаксы преуспели больше других, так что ад, как и современный мир, должен быть англоязычным.

ОТНОШЕНИЯ СХОЖИХ

«Что для русского здорово, немцу смерть», – утверждает русская поговорка. Но она в известной мере лукавит. Господь слепил русских и немцев если не из одного теста, то вложил в них одинаковую закваску.

И действительно, вряд ли существует философия более глубокая, чем немецкая. И вряд ли найдётся литература в метафизическом аспекте более страстная, чем русская. В основе той и другой лежит поиск истины, стремление отразить её в слове, которое имеет решающее влияние на сознание нации. Русские и немцы – народы-богоискатели, народы-богоборцы, слово у которых не расходилось с делом. Отсюда мессианство христианских империй Оттонов и Романовых, отсюда попытка построения общества на принципах коммунизма и фашизма. Нашими народами одинаково движут сверхидеи, в их коллективном бессознательном наличествуют сверхценности, а таланты раскрываются с особенной силой, когда ставятся сверхзадачи. Как показала история, в отличие от вульгарного англосаксонского прагматизма идеология для русских и немцев стоит выше материального благополучия, и те, и другие пытаются жить всерьёз, ощущая своё призвание: осмыслить и переосмыслить бытие. Никто не ставил вопрос, зачем жить с такой пронзительной откровенностью, как Шопенгауэр и Ницше, у которого прослеживаются славянские корни. Никто не отвечал на него с такой впечатляющей глубиной, как Толстой и Достоевский. Близость этнопсихических особенностей, возможно, объясняется

тем, что славянские племена – географическое продолжение германских.

Характерно, что в русском фольклоре нет поговорок, в которых бы фигурировали испанцы, французы или итальянцы. Острый галльский смысл был для русских неизмеримо дальше, чем сумрачный германский гений. Запад на Руси всегда олицетворяли немцы. А начиная с Петровских времён, немецкая кровь примешивается, если только не вытесняет, кровь правящей династии. Немецкая слобода сыграла в русской истории роль, которую трудно переоценить. Остерманы и бироны, минихи, фонвизины и берги оставили в ней след едва ли не больший, чем орловы и потёмкины. Германофильская партия традиционно сильна в России, в ней состояли тысячи деятелей русской истории – от Ангальт-Цербстской принцессы, ставшей на русском троне Екатериной Великой, до казачьего атамана Краснова.

Национальный характер со всей отчётливостью раскрывается на войне. И здесь у наших народов много заслуг перед Европой. Вечный германец отражал атаки венгров при Лехе и турок на Дунае, русские сдерживали полчища степняков – половцев и монголов. «На свете два воина: русак и прусак», – гласит другая русская поговорка. Противоборство в мировых войнах – это чудовищная ошибка, политическая близорукость, горькая ирония судьбы. Две близкие по духу нации столкнулись, имея в союзниках бесконечно далёких им турок и итальянцев, французов и англичан. Впрочем, самая ожесточённая борьба – внутривидовая.

Мой отец воевал под Москвой, попал в плен, прошёл концлагерь. Слушая Бетховена, он говорил: «За это немцам можно простить всё». И действительно, Бах и Вагнер искупили немецкие грехи на тысячу лет вперёд. А ведь музыка говорит о душе народа гораздо больше остальных искусств. Конечно, у каждого народа есть

свои композиторы, но я говорю о музыке как явлении, как глубочайшем элементе культуры, фундаменте, на котором строится весь менталитет. Американский джаз, итальянская оперетта или поверхностный французский импрессионизм выдают национальные архетипы с не меньшей прозрачностью, чем любые этнопсихологические изыскания. Для того чтобы понять русских, достаточно послушать Чайковского или Рахманинова.

Бунтарство – это оборотная сторона богоискания. Германцы прошли от арианства до протестантизма, дав миру Лютера и Меланхтона, русские упрямо держались православия, отвергая выгодные унии с Римом. Они также оставались в абсолютном меньшинстве по отношению к католическому миру, а в довершение испробовали на себе атеизм.

И те, и другие – приверженцы сильной государственной власти, справедливого мироустройства, ради которого готовы на жертвы. На этом пути и те, и другие имели головокружительные взлёты и впечатляющие падения. И сегодня мы переживаем схожие времена. Карикатурные образы предков, тиражируемых Голливудом, заставляют нас стыдиться своей истории, целое поколение, которому привиты ложные представления о прошлом, получило вывих в сознании.

Бог устроил нас так, что мы не можем жить одним днём: не имея сверхзадачи, объединительной идеи, наши нации быстро вырождаются. Мы как тот странник, вечно ищущий клад, хиреем на печи, и в этом смысле для нас движение – такое же всё, как и конечная цель. А в настоящий момент и Германия, и Россия одинаково изменяют себе, своему национальному характеру, своему великому предназначению. И это для них чревато последствиями куда более губительными, чем поражение в войне. Давление американской массовой культуры, которое мы испытываем, мешает самоотождествлению,

приводя к национальной дезориентации и утрате корней. Именно поэтому в современном мире Германия и Россия занимают неподобающее им место.

И это также сближает наши страны.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Октавио Пас сравнивал человечество с хором и восхищался не его слаженностью, но – разноголосицей. Как лесные звуки интересны полифонией, так и культура, отрицая синтонность, предстает в зеркале слагающих её культур. Однако третье тысячелетие намеревается положить конец этой традиции. Техническая революция позволяет одним возвышать обертоны, заглушая других. В отличие от прежних веков чужое наречие может сегодня главенствовать и в родном доме.

Сейчас много говорят о глобализации экономики, пуская в оборот эвфемизм, прикрывающий положение вещей, при котором ничтожный процент населения земли потребляет львиную долю её ресурсов, обрекая остальных на борьбу за прозябание. Интеграция в мировую систему хозяйствования предполагает вписаться в сложившуюся иерархию, обеспечивающую такой порядок. Экономический подтекст совместного освоения планеты очевиден. Но глобализация экономики неизбежно влечёт и глобализацию культуры. Именно она заставляет мир плакать над кончиной английской принцессы и следить за похождениями американского президента. Её масштабы пугают. Они не оставляют лазейки, убежища, скрыться от всепроникающей пропаганды, от оглушающей проповеди демократии невозможно. Космополитическая по сути, конечная цель глобализации – размывание национального и подмена его эрзацем американского «melting pot». Этому подчинена политика оscarов, каннских фестивалей и нобелевских

премий, которая обрекает на голливудские поделки, лавочку постмодернизма и бесконечные музеи голого короля, воспетого шарлатанами окрашенного в техноцвета искусства. При всём кажущемся разнообразии вкусов и стилей они ориентированы на заполняющую всё радость плебеев. Но демократизация в искусстве – это болезнь, ведущая к смерти. Общедоступно лишь банальное, популярное – вульгарно. Недаром Превьер говорил, что всеобщая признательность заставляет насторожиться. И действительно, массовость влечёт утрату нюансов. А без них исчезает искусство, великая иллюзия, в которой глубины, как в оптике, определяют оттенки.

Ныне дух транснациональных компаний витает над землёй. Многими он воспринимается как веление времени, как новое возведение вавилонской башни. Однако замалчивается, кому уготованы её зияющие высоты, а кому – топтанье у подножья. Глобализация культуры – это выравнивание предыдущих исторических наслоений, очередная попытка унифицировать мир под себя. Нынешнее мировое администрирование подразумевает всеобщую стандартизацию и равенство на статуе Свободы. В сущности, подобный опыт проводился всеми империями – от диктатуры латыни до советского интернационализма. Удастся ли сломить этническую мозаику на новом витке техногенности, покажет будущее. Но, отвлекаясь от прогнозов, можно вообразить плоды такой победы, их зачатки мы встречаем на каждом шагу. Выравнивание всегда понижает, взгляды отдельно взятого прохожего любопытнее мнения толпы. И сегодня под лозунгом взаимного обогащения культур и распространения общечеловеческих ценностей массовое сознание оккупировала эстетика блокбастеров. Это визитная карточка вселенской программы, которую предлагают сторонники культурного космополитизма. Внедряя чужие стереотипы, глобализация культуры заставляет забыть

собственные парадигмы, подражать мёртвоговорящим куклам, донашивать китель с чужого плеча.

Но мораль исторична, нравственность привязана к этнической системе координат.

Народы СССР едва ушли от коммунистического гребня, чтобы попасть под зубцы куда более частые. Из запретного плода западные ценности постепенно превращаются в демьянову уху. Обманчивые призывы жить настоящим заслоняют реальность минувшего, привлекательная простота техногенных мифов вытесняет религиозный пафос древних саг. В результате прогрессирует историческая амнезия, разрастается племя иванов, не помнящих родства. Подобная практика в конечном счёте направлена на реализацию американского эксперимента, вслед за долларизацией по планете шагает призрак американской мечты. Мир глобализованной культуры, новый порядок, который предполагает заокеанская доктрина, – это её окончательное воплощение. Навязывая миру свою модель развития, Америка опирается прежде всего на двухсотлетний опыт освободившихся колоний. И действительно, что может роднить людей с разных континентов, с разными этнопсихическими установками и цветом кожи, кроме интересов совместного потребления? Но другие народы шли к своим обществам неизмеримо дольше, законы их коллективного бытия успели трансформироваться в национальный характер.

«Нельзя заимствовать элемент цивилизации, не принимая её всю», – категорично утверждал Тойнби. Предлагая совершенные средства техники, Запад попутно одалживает свой язык, нравы, обычаи, представления о добре и зле, их отсутствие. Навязывая поведенческие каноны, глобализация культуры добывает последних из христиан, подменяя небеса информационной сумятицей, идеализацию – идолизацией. Вспыхивающие

звёздочки, гаснущие кумиры, калейдоскоп лиц, мелькающих на экране, не ведает границ, проникая в дома, сердца, души, создает иллюзию интернационального рая. Реклама виртуального заслоняет действительность. Нужно время, чтобы привыкнуть к этому раздвоенному миру, смириться с его стерильным саваном, прячущим обезличенную пошлость.

Впрочем, будущее неотвратимо, как смерть, а пророчество всегда лживо. Нам остаётся лишь сомнительное увлечение гадать и, фантазируя, либо надеяться, либо страшиться.

РЕПОРТАЖ ИЗ БЛИЖНЕГО ОКОПА

ЭВФЕМИЗМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последнее время часто говорится о едином информационном пространстве, о грядущем открытом мире, в котором будет услышан голос каждого. Но много ли мы слышим о происходящем в Китае, Индии, Юго-Восточной Азии, где сосредоточено две трети населения планеты? Если оттуда и доносятся отголоски, то эхом «Рейтера» и «СиЭнЭн», которые решают, что является первоочередной новостью, а что подлежит безвестности. Уже пятое столетие мир испытывает мощнейшее давление Западной цивилизации, по словам Тойнби, самой агрессивной из когда-либо существовавших. Судьба миллиардов интересует «золотой миллиард» лишь с точки зрения собственной выгоды или угрозы. И когда говорится о проникновении цивилизации в самые отдалённые уголки, молчаливо подразумевается именно Западная цивилизация. (Тойнби приводит в пример афганского моджахеда, взявшего в руки английскую винтовку и вместе с ней перенимающего западное мышление.) Считается, что XXI век должен стать веком культурной конвергенции, однако конфликт цивилизаций, о котором стыдливо умалчивают, – это оборотная сторона их диалога. А симметрией в отношениях Запад – Остальной мир и не пахнет, то, что выдаётся за неизбежный прогресс – улица с односторонним движением. Удел третьих стран – изучать английский, смотреть

голливудские блокбастеры и следить за выборами в Белый дом, гадая о жестокости или милосердии нового хозяина. Им гарантируется убогая стабильность в обмен на независимость. При этом её утрату замечают немногие – проводятся выборы, в парламентах обсуждают различные программы, но пройдут лишь утверждённые Вашингтоном. Неоколониализм больше не подразумевает плантатора в пробковом шлеме, её приметы – это масса респектабельных лгунов, оккупировавших СМИ, ежедневно обманывающих соплеменников.

И в России многие напоминают сегодня лакеев в господском доме: они ощущают причастность к иным манерам, ослеплённые иллюзией просвещённости чужого народа и темноте своего. О чём бы ни шла речь, они руководствуются простой антиномией: «Запад хорош – Россия плоха». Причисляя себя к Западу, бóльшие патриоты Америки, чем сами американцы, они нашли применение в клишировании демократических стереотипов, играя роль самозванных миссионеров. По их мнению, лучшее для России – стать калькой Запада. Одни искренне верят в это, другие – потому что выгодно. Так, в сорок втором, на немецкий танк, рвущийся к Волге, запрыгивала жаба, чтобы, добравшись до воды, устроить в ней своё жабье царство. Люди с подобной психологией существуют во все времена, их большинство в любом народе, трагедия, если они у власти. Что можно сделать, чтобы снять телеведущего, годами проводящего антинациональную политику? Как в рамках демократии может эффективно сопротивляться народ, чьи богатства использует другой народ? Отсюда – терроризм, ксенофобия, – естественный ответ на вызов*. Недавно по Европе

* В советском обществе, воспитанном в идеях интернационализма, к иностранцам (и это ещё свежо в памяти) было иное отношение, чем демонстрируют сегодня группировки скинхедов: кулаки – оружие слабого.

прокатились мусульманские волнения, политологи ищут их корни, причины, вызвавшие осквернение церквей и взрывы мечетей. А они на поверхности: желание европейцев привлечь дешёвую рабочую силу – турок, албанцев, североафриканцев. За религиозной вуалью кроется вечный конфликт хозяина и наёмного, сытого представителя дряхлеющей цивилизации и голодного энергичного варвара.

Известно, что чужая культура обогащает свою до тех пор, пока её не губит. Китай и арабо-мусульманский мир чутко реагируют на проникновение Западных ценностей, и у них есть шанс выдержать их натиск. К тому же свою роль играют этнические и расовые различия, слишком далеко от западной магистрали пролегают исторические рельсы ближне- и дальневосточных народов. Православная же цивилизация, как наиболее близкая к Западной, вполне может быть поглощена. Трагедия ли это? Быть может, освоившие нашу территорию будут счастливее? Исчезла же духовная предтеча России – Византия; быть может, нужно считать свою историю ошибкой? Однако Ватикан недавно назвал Запад «цивилизацией мёртвых». И действительно, складывается ощущение, что она продолжает жить по привычке, как крепкий, жилистый старик. Одна из главных примет старости – приводить собственный путь как образцовый. Но сегодня на Западе отчётливо проступают типичные для вырождающихся цивилизаций язвы: демографический коллапс и агрессивный феминизм, гомосексуализм и наркомания, вульгарное эпикурейство и тотальное лицемерие. После падения железного занавеса мы испытали их на себе: худшие стороны Запада передаются как ветрянка. Инстинктивно это чувствуют арабы и китайцы, а в России «американизации» открывают зелёную улицу. Её апологеты смешивают кириллицу и латиницу (хотел бы я видеть нечто подобное в Нью-Йорке!), дублируют

американские телепрограммы, которые в русифицированной версии выглядят особенно пошло.

А пока фотографии Мэрилин Монро не сменяются образами Гагарина, нация не воскреснет, она будет обречена поддаваться обаянию «мягких ценностей» и считать толерантность главным достижением человечества.

ПЛЕБЕИЗАЦИЯ ИСКУССТВА

Демократизация искусства, отмена эстетической цензуры привели на рубеже тысячелетий к торжеству безвкусыя. Рок-музыкант, звезда шоу-бизнеса – идол, пророк, символ, икона, он выше философа, достойнее врача, утончённее художника. Утверждают: так во всём мире, это необходимость, которой надо подчиниться, как в своё время автомобилю. Однако рок-музыка – национальное изобретение англосаксов, как и стриптиз. Ясно, что если бы правила Китайская цивилизация, мир учил иероглифы и Конфуция.

Мы держим удар, не стоит вуалировать это лозунгами о свободном, космополитическом мире. Мы переживаем культурную эскалацию, перенимая вместе с языком чужие стандарты, как маску вместо лица, примеряем несвойственные стереотипы. Ограничения и цензура, конечно, ни к чему не приведут, но говорить, что в макдональдсах отвратительно кормят, а эстетика Голливуда ниже критики, что торжество демократии в культурной сфере приводит к победе fast food, когда духовная пища подменяется суррогатом, – прямой долг современных пастырей. Но это остаётся правдой о голом короле. Разве наша «телевизионная интеллигенция» не понимает сути происходящего? Однако сегодня единственный востребованный талант – мимесис, пустое

копирование. Телеканалы, стараясь перещеголять Фукуяму, утверждавшего, что эволюция человечества сведётся в дальнейшем лишь к построению развитой демократии по американскому образцу, изо дня в день прививают чужую историю, шельмуя свою. И Пётр I брил бороды, однако строил корабли и возводил Петербург. И Екатерина Великая родилась не в Рязани, дело не в русопадстве и квасном патриотизме, а в трезвой оценке того, что пойдёт на пользу нации. Но наша «элита» существует в-себе-и-для-себя, оторванная от нужд своего народа. И пока не придут те, кто его интересы ставит выше личных, до тех пор будут продолжаться поиски национальной идеи в лабиринтах лжи. Духовные лидеры Запада уже выстроили свои народы в очередь за гарри поттерами и властелинами колец, нужно ли становится туда крайними?

Наличие идеологического конкурента стимулировало искусство Запада, здесь также велась гонка вооружений, но с крушением коммунизма, когда во главу встала единственно прибыль, наступило царство ширпотреба. Часто возражают – это масскультура. Но другой нет. Официально объявленные «интеллектуальными» фильмы и книги не поднимаются выше бытовой философии, так или иначе они ориентированы на кассовый сбор. Но скорость оборота, быстрота потребления – основа эффективности шоу-бизнеса – губительна для искусства. Воспитанным на Бергмане и Феллини, Тарковском и Фасбиндере, особенно тяжело наблюдать его упадок, видеть лживые реверансы в сторону современных сказок для взрослых. Но поколения можно воспитывать на любых парадигмах. Так, эллинизируясь, просвещённые римляне ходили в театр, проникаясь высоким духом Софокла и Еврипида, а по мере варваризации Рим рукоплескал уже поверхностным комедиям Плавта и изъяснялся на вульгарной латыни.

Капитализация культуры повлекла за собой её уничтожение, её храм заполнили торгующие, её апокалипсис ознаменовался приходом дилетантов. Теперь важно не «что» или «как», а «кто». Выбор лауреатов престижных премий остаётся непостижимым, если принимать во внимание только эстетические критерии, но всё встаёт на места, когда учиываешь геополитические расклады. В комитетах по присуждению национальных премий заправляют шарлатаны из интернациональной лавочки постмодернизма, набившие руку на откровенной пошлости и демонстрирующие абсолютное презрение к своему народу.

Как известно, пропаганда, которая в век электронных технологий свелась к нейролингвистическому программированию, решает всё. И особую роль здесь играет Голливуд. У американцев за поколения выработался к нему иммунитет, как в своё время у нас к коммунистическим лозунгам, они привыкли, что визитная карточка Америки лжёт, научившись разделять слова, произносимые с экрана, и реальную жизнь. Другие же его потребители, лишённые двоемыслия, после голливудских грёз особенно легко ловятся на болтовню о демократии. Мы видим эту картину в Сербии, Грузии, Украине – бунтующая молодёжь, воспитанная на сказочных образах Голливуда*. Ясно, почему фильмы наряду с оружием составляют единственные статьи американского экспорта, почему фабрика грёз объявлена Конгрессом важнейшим орудием пропаганды, защищающей национальные интересы.

* Это реванш: в пятидесятые пол-Европы прельщалось идеей коммунизма – людям свойственно мечтать, расплачиваясь отчаянием.

ПРИЗРАК ДЕМОКРАТИИ

Демократия давно стала синонимом Запада, его символом, между ними в массовом сознании поставлено равенство. Демократия отождествляется с Западной культурой, образом жизни, который сложился в Европе и США, при этом, что она означает в чистом виде, смертному знать не дано. Она нашита на плащах современных крестоносцев, ею, как Библией, прикрываются, оправдывая любую экспансию. «Лидер такой-то страны противится Западному господству», – звучит ужасно; а вот «Диктатор, задушивший демократию», – вполне пристойно. США пошли ещё дальше, отождествив себя с добром, противопоставив себя «оси зла». Теперь все, кому не нравится сложившийся порядок, автоматически демонизируются, причисляются к силам тьмы. Удивительное лицемерие! Ещё недавно такое пристальное внимание к Сербии и Грузии сменилось после торжества в них западной демократии полнейшим равнодушием. Между тем сербы в результате утратили святыни Косова, а грузины после «революции роз» ещё глубже увязли в нищете. Но это мало заботит Запад – на очереди Украина и Беларусь, Иран и Северная Корея, намечаются «свободные» выборы в оккупированном Ираке.

Что бы ни говорилось о движении в сторону Запада, в коллективном бессознательном его представителей проходит чёткая граница: задворки Европы – это Польша, дальше – бурлящая варварами пустыня Тартари. Ужас перед ней родился не с появлением коммунизма, как нам пытаются представить, и не исчез с его падением. Этот страх уходит в глубь веков. И Блок не вчера писал «Скифов», и апокрифическое «Завещание Петра Великого» стало гулять по Европе задолго до СССР, и миф о российской угрозе будет изжит лишь с исчезновением восточного соседа.

Запад богат. И кажется, что если быть к нему ближе, то какая-то малость обязательно перепадёт. Но это заблуждение. Скорее отнимут последнее, рационализм западного человека складывался веками. Запад давно усвоил истину, которую теперь несёт во все уголки земли: возвыситься можно только за счёт других. Если один богатеет, остальные беднеют – будь то отдельный человек или народ.

Существуют два полюса управления массовым сознанием, продиктованные самой психологией. Первый принимается на вооружение тоталитарным государством, когда господствует единственная идеология, когда с инакомыслием борются путём замалчивания. Цена слова при этом неимоверно вырастает, просачиваясь сквозь кордоны цензуры, оно способно взорвать общество. Демократия избирает принципиально иную манипуляцию. А ргіогі декларируется равенство всех точек зрения, свобода высказывания превращается в забалтывание, вырабатывая стойкий иммунитет к правде, которую топят в словах.

И ежедневная сенсация отупляет не меньше, чем её вечное отсутствие.

Если неудобную интерпретацию тоталитарный режим прячет в дальнем углу, то демократия – на видном месте, растворяя в десятках противоположных мнений. Потребителя отучают мыслить, на ярмарке мнений всегда найдётся готовый рецепт. При этом неудобную истину высмеивают, на неё смотрят свысока, её презирают. И она, теряя привлекательность, перестаёт быть угрозой. К этому старинному рецепту прибегали фарисеи, изоцряясь в силлогизмах, стараясь «уловить в словах». Какой способ эффективнее – показало время, какой привлекательнее – дело вкуса.

Стена молчания сводит с ума, дезориентирующая говорильня ведёт к безумию.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Россия вот уже триста лет, как незванный гость, стучится в закрытую дверь Запада. На этом направлении мы набили уже столько шишек, что пора было давно разочароваться в магии заходящего солнца и повернуть на Восток. Укрепление азиатского вектора в политике, переориентация экономики на Индию и Китай позволили бы ослабить железную хватку Запада. Сейчас Азия вполне конкурирует с Европой, а будущее, очевидно, за ней, она уже сегодня может обеспечить нас всем необходимым в обмен на перенаправленные газо- и нефтепродукты. Но кто будет осуществлять этот поворот? Прозападные политики? Олигархи, живущие в основном на Западе, или журналисты, чувствующие себя на Родине словно в длительной командировке? Они озабочены тем, чтобы подогнать тело под чужой кафтан – Россию в который раз терзают привнесённые идеи, её заставляют думать с оглядкой на экзаменующую Европу.

Подмена духовных парадигм, когда форма перестаёт соответствовать содержанию, в конечном счёте ведёт к вырождению. Уничтожение традиций, забвение собственной истории губительны для нации, а холодная война показала, что даже ядерное оружие не спасает от поражения – достаточно иметь размытые ориентиры. Чужие ценности, самые распрекрасные, превращаются в вирусы, вызывают духовную болезнь, общественную шизофрению, раздвоенность между врождённым, сложившимся за века психотипом и новыми ориентирами. Мы давно блуждаем по болоту, а нам твердят про необходимый этап развития, про естественный путь, который надо пройти. Лекарство оказалось хуже болезни, а его продолжают давать. Сколько нам ещё бродить по пустыне? Чтобы выйти из неё числом в десять раз меньшим? Чтобы вырваться из плена «имперских» амбиций?

Западная демократия победит в России только с исчезновением славянского этноса и заселения её территорий другими народами, которые исповедуют иной образ жизни. Конечно, XVIII век был заимствован нами у немцев, а в XIX дворяне изъяснялись на французском, однако это была горстка управленцев, западный ветер бушевал на поверхности и не затронул глубин народного сознания, продолжавшего хранить родную культуру. Сейчас – иное: электронные средства проникают в каждый дом, каждое сердце. И это грозит потерей корней, утратой самоидентификации, исчезновением как народа. В России первично сознание, и убожество нашей экономики – лишь производная от убожества нашей сегодняшней морали. Все признаки нравственного разложения, которые демонстрирует современная Россия, указывают на то, что страна находится в состоянии распада, и никакая вертикаль власти его не остановит.

В отличие от многих малых народов русские легко ассимилируют, и в этом наша слабость: немногочисленные остатки этноса растворятся в Западном мире.

И я не вижу, почему это не случится.

ФЕОДАЛИЗМ С ТЕЛЕВИЗОРОМ

В Россию возвращаются православные традиции. Если в Библии: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков...», то у нас: «Ельцин привёл Путина, Путин привёл Медведева, Медведев...» Священная история стала для нас парадигмой. Вспомнили и евангельское: «Будьте как дети...» Как в детском саду – привели за руку тётю: «Знакомьтесь, это ваша новая воспитательница!» Открываем тетради и записываем фамилию.

А кого интересует детское мнение?

«Русские люди – философы», – говорит Митя Карамазов. Наверное, только философы могут довести демократические принципы управления до логического конца, до абсурда, только на глазах миллионов философов можно превратить выборы в фарс. Умом Россию не понять. Но, может, тайная молитва наша не «Отче Наш», а «Не допусти, Господи, чтобы пропала колбаса»? Тогда опасаться не стоит, пока льются нефтедоллары, узкую струйку пустят на прилавки, умереть не дадут.

Жить, правда, тоже.

Кто поумнее, либо уехал, либо спился. А пришли те, кого в лучшие времена уволили бы за профнепригодность. Телевизор заполнила злая посредственность, сбившаяся в один тесный междусобойчик: кукушкин хвалит петушанского, остальные – завидуют. После Октябрьской революции наступила эпоха пролеткульта, когда деревня, лузгая семечки, ринулась в город, когда полуграмотные крестьяне стали русскими писателями, оттеснив Толстого и Чехова. В эру «демкульта»

литератору больше не надо знать русский, художнику учиться живописи, певцу иметь голос. Искусство скончалось под ножом шоу-бизнеса, немеркнущие «звёзды» вот уже тридцать лет кривляются на сцене. И вся Россия – такая же эстрада! Карманная оппозиция за свою пайку играет роль оппозиции, прикормленные критики поют властям дифирамбы, независимые эксперты читают по бумажке, спущенной из Кремля. И над всем царит телепрезидент – шедевр пиар-технологий. Что сделано им за восемь лет? Пётр за такой срок заложил Петербург, Екатерина разгромила Турцию, Сталин в разорённой крестьянской стране провёл индустриализацию, создав передовую тяжёлую промышленность. Сегодня одна программа сменяется другой, это похоже на метания двоечника, который списывает на экзамене у всех подряд, невзирая на собственное задание. Где все эти «идущие вместе» – пришедшие порознь, где спуск на воду военных кораблей, строительство портов, о которых было так много шума? Успехов не видно, да, похоже, и задачи были другие. Путинская Россия – как пизанская башня, не падает, но и не выпрямляется. Мы остаёмся рыхлым образованием из 85 частей, не единым организмом, но их суммой, с перекошенной сырьевой экономикой, несмотря на все разговоры о её диверсификации и повороте к инновационным технологиям. Мы ничего не производим, наш вклад в мировой валовой продукт за счёт нефти и газа составляет меньше процента, исчезни Россия – рынок этого не заметит. А был ли Путин? Может, Путина и не было. Зато на прилавках лежит иностранная колбаса, а вечером – один бесконечный сериал, перемежаемый рекламой: Маша любит Сашу, а Саша – пиво. Мы всё же догнали Америку, превратившись в страну глухого мещанства. У нас торжествует обывательская мораль, а на передовых рубежах – агрессивная серость. Но церковь учит, что любая власть от Бога!

Удивительный феномен: в постхристианском мире, в ещё недавно атеистическом обществе, воскрес средневековый реликт. Заполняя духовный вакуум, православие претендует на господствующую идеологию. Жиреющая Москва будет молиться золотому тельцу, нищей провинции уготована теократия. И всё громче раздаётся грозный голос: «Три, четыре, пять – я иду искать, кто не православный – я не виноват!» Коррупция на всех уровнях, а церковь отыгрывается на инакомыслящих, устраивает охоту на ведьм. Наука кончилась, культура влачит жалкое существование, происходит тотальная дебилизация страны, а православные иерархи молчат. Народ обворовывают, жизнь свелась к выживанию, а церковь, будто в сговоре с властями, открывает всё новые храмы, в которых обнищавшая паства находит последнее утешение.

Но это глазами материалистичного Запада, у русского же на первом месте духовность. Вот мнение одного современника (ввиду его распространённости приведу развёрнутую цитату):

«Отдаваясь политике, мыслящий русский становится похож на человека, который волоком тащит “Феррари”. Ибо политика в нашей стране – явление вторичное, явление из мира теней, химера. И Россия – это вовсе не государство и, скорее всего, никогда им не было. Россия – это среда. Сотканная из противоречий, несуразиц, крайностей, из бреда и бессмыслицы; богатая и нищая, духовная и амёбная, щедрая и до безобразия жадная, великодушная и чудовищно жестокая, интеллектуальная и глупая, вот уже тысячу лет пребывающая в состоянии первобытного хаоса, это самая благотворная на планете среда для человека, душа которого хоть немного приоткрыта для впечатлений бытия».

Может быть, это объясняет, почему человека, почти официально признанного виновным в разрушении

собственной страны, хоронят с помпой? Может, поэтому на каждом углу говорят, что в 91-м мы пережили катастрофу, а вместе с тем празднуется День Независимости? Может быть, поэтому лучшие у нас – всегда лишние, а таланты, невостребованные на Родине, расцветают на чужбине?

Через семнадцать лет после распада СССР всё вернулось на круги своя. Несмотря на множество партий, у нас сохраняется однопартийная система – на смену коммунистам пришли коммерсанты. Загнанная на кухни интеллигенция привычно брюзжит, бюрократившиеся выдвиженцы девяностых, сгруппировавшиеся в полицейский режим, распродают страну. А для Запада они компрадорская буржуазия. Только масштаб мельче. Горбачёв, разваливший сверхдержаву, получил Нобелевскую, Ельцин был для Запада «большим другом Борисом», а заслуги Путина отмечены лишь выдвижением на «Человека года».

Россия – страна парадоксов: здесь потом и кровью удобряли почву для коммунизма, а на его месте расцвёл «неофеодализм».

Осталось вернуть крепостное право.

И оно, будет нужно, вернётся.

КРИЗИС ДУХА, ИЛИ НУЖНА ЛИ МИРУ АМЕРИКА

Нынешний экономический кризис в США вначале объясняли крахом ипотечной системы, затем угрожающим состоянием банковской, но, на мой взгляд, его корни гораздо глубже. Двадцатилетие абсолютного лидерства США продемонстрировало отсутствие какой-либо позитивной идеи не только миру, но и самим американцам, которых раньше консолидировала конкуренция с СССР, воодушевляло стремление быть первыми. Но вот мечта осуществилась, и оказалось, что дальше – пустота, тупик. Перешагнув предел желаний, Америка стала похожа на человека, всю жизнь копившего на автомобиль, чтобы возить соседей, а, приобретя его, обнаружившего, что ехать-то ему и некуда. Чтобы ни говорилось, но, несмотря на всю пропаганду, американский образ жизни не прививается в других странах, национальная игра «делать деньги», наряду с бейсболом, не находит широкого распространения.

Америка – рай для трудоголиков и ад для остальных. Поколения заокеанских эмигрантов поднимали страну, заглушая экзистенциальный страх в работе, как русские топили тоску в вине. В результате американец жизнь не проживает, а скорее «прорабатывает». Однако с эпохи Возрождения, поставившей в центр мироздания человека, стало понятно, что он не только работник, он шире своей профессии, своих капиталов. Речи о духовном совершенствовании, о гармоническом развитии личности, которое, вслед за «возрожденцами», декларировали в

СССР, в Америке нет и в помине. Американский мир вращается вокруг доллара, человеку отводится роль его слуги. Труд как мера божественного воздаяния, успех как поощрение свыше – эти столпы протестантской этики рухнули с наступлением постхристианской эры. Из американской модели развития вынута сердцевина, смысловая составляющая, труд при нарастающем атеизме становится самоцелью, привычкой, уходом от реальности, транквилизатором, антидепрессантом, всем чем угодно, только не двигателем внутреннего сгорания, работающим на «протестантском» топливе. Когда идея, придающая жизни осмысленность, выдохлась, её место занял труд, который сам по себе не может быть религией. И сегодняшний кризис связан, в первую очередь, с духовным оскудением, исчерпанием философии денег – денег как средства спасения. Выяснилось, что Америка выродилась в общество заурядных мещан, которым нечего предложить миру, кроме вульгарного эпикуреизма, и которые работают, страшась отдать себе отчёт: «зачем». Этот «труд по инерции» в психологическом плане играет роль беличьего колеса, отвлекая от «проклятых» вопросов, в трагической попытке ответить на которые человек только и становится личностью. Он принуждает функционировать тело, не заботясь о душе, гарантируя искусственное подобие жизни.

Но робот застрахован от сумасшествия, равно как и от счастья.

Динамика, конкуренция, развитие – за этими «техническими» категориями в гуманитарном плане стоят одиночество, опустошение, отчуждение. Состояться по-американски вовсе не значит стать личностью, и образом Америки всё больше становится подросток – поверхностный экстравертированный всезнайка. Все сферы человеческой жизнедеятельности превратились в один большой конвейер, где нет места индивидуальности,

которую растворяет коллектив. Быть может, историческая миссия Америки состояла в том, чтобы зажечь факел массификации, передав эстафету Азии? Ведь ещё Мережковский в начале прошлого столетия писал, что путь, при котором теряется личностное начало, опасен для европейцев, что их гений на нём вырождается, и их обязательно обойдут представители жёлтой расы, генетически приспособленные к механическому труду, как пчела в улье. Что нам и демонстрирует современный Китай, удачный симбиоз, объединивший противоположности, примиривший бывших врагов, синтезировав американскую деловитость и коммунистическую идеологию.

Американская мечта, выйдя на мировые подмостки, оказалась несостоятельной. Миллионы, для которых Америка из запретного плода превратилась в законодателя мод, ждало разочарование. Что это? Конец истории, как предрекал Фукуяма? Но разве можно всерьёз предполагать, что и через сто лет мир по-прежнему будет во власти голливудских историй про «хороших» и «плохих» парней, а его собственная история, тысячелетия его духовных поисков сведутся к шопингу, супермаркету и обществу потребления? Неужели визитной карточкой нашей планеты станет улыбающееся лицо менеджера, а официальной моралью – подростковое мировоззрение офисного клерка?

Цивилизация по-американски предполагает смерть традиционной культуры. Отсутствие глубины у американцев компенсирует постоянная смена и жажда нового, которое, однако, чтобы быть признанным, должно повторять старое. Даже в американском кино заметна деградация: классические драмы 50–80-х умерли, уступив дорогу блокбастерам, демонстрируя чудеса изобретательности, режиссёры делают фильмы всё более детскими, соответствующими умственному развитию школьников с заторможенной психикой. Стыкуя с компьютерными

играми, они подгоняют их под «клиповое мышление» — модный термин, за которым стоит младенческая неспособность концентрировать внимание.

Экономическая и военная гегемония, не подкреплённые духовным лидерством, обречены, мировая оккупация, оказавшись пагубной для самой Америки, разъедает её изнутри. Из путеводной звезды Америка превратилась в балласт, её претензии стать локомотивом мира оправдались, но попытка стать его душой потерпела фиаско.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА

Ветхозаветный Бог запретил ростовщичество. Но финансовая система христианских стран целиком зиждется на банковских процентах. Новый Завет проповедует нестяжание и недвусмысленно поощряет бедность. Но благодаря ухищрениям кальвиновской экзегетики, чей символ – огромная игла, сквозь ушко которой проходит верблюд, паства поверила, будто Бог ещё при жизни награждает тех, кого любит.

Многие вожди Реформации, правда, были верны Фоме Аквинскому, определившему жадность как *turpitudō**: предпринимательство оставалось для них этически лишь допустимым, а деньги – изобретением дьявола. Их поучения сводились к тому, чтобы относиться к ним, как к необходимому злу, радоваться же им безнравственно. С той поры, однако, деньги приобрели самостоятельную ценность. Сегодня они живут обособленной жизнью, меняя хозяев, страны, континенты. Если в страданиях раба повинен владелец, то виновников наших бед сыскать невозможно – ссылаются на трудные времена, кризисы, этих вечных мальчиков для битья, вина отчуждается, переносится на печать с водяными знаками.

Не было ни одного отца Церкви, который бы не осудил корыстолюбия, но мораль скупого рыцаря оказалась сильнее. «Нажива – вот двигатель прогресса», – таково главное откровение нашего века. Подобная аргументация, а с ней сталкивались все, надёжно вуалирует пороки.

* Позор (лат.).

Уже не требуется пышная генеалогия, глубокие знания, воинская доблесть, уже не нужно владеть словом или мечом – наличие ассигнованной бумаги гарантирует счёт у окружающих. Мы перенесли личные достоинства на посторонний предмет. Дайте капитал последнему нищему, и он из невидимки превратится в персону.

Среди обществ с установкой индивида превзойти окружающих, страсть к обогащению превалировала у вавилонян и почти отсутствовала у греков. Мы шли за вторыми, но потом свернули к первым. Было бы ещё оправданным, если бы деньги, эта волшебная палочка, извлекающая из небытия, премировали заслуги перед обществом, если бы они были лавровым венком! Но что сделали для блага человечества банкиры? Их имена на слуху, значит, их талант аккумулировать зелёную бумагу – выше таланта открывшего электрон? Вряд ли... Просто лавровый венок присвоили собиратели лаврушки.

Испокон веку ничем не нарушается привычный ход вещей: путь вверх отсекает порядочность, лестницу в земное небо сколачивают из несчастья. Разве наши кумиры восхищают добродетелями? Разве гонорары наших «звёзд» не позор цивилизации?

«Это лучшее из худшего, – возразят адепты Бенджамина Франклина, подводившего получение прибыли под категорию «призвания», – несовершенство здесь искупает скорость развития». Однако это – оправдание данности. И египтяне, и китайцы также считали свои культуры венцом эволюции. Быть апологетом настоящего всегда выгоднее, чем его критиком.

Нам повезло, мы имели возможность сравнивать – мы жили в обществе, где деньги были ничто, и в обществе, где они всё. Но я меньше всего хочу обличать недостатки последнего. Наш мир ещё очень юн, должны смениться поколения и поколения, прежде чем он – я

верю в это – освободится от комплекса всеобщей продажи. Но это не значит, что сейчас нужно молчать о голом короле. Я поведал о нём, как умел. Ведь я слишком ненадолго пришёл сюда – как для того, чтобы претендовать здесь хоть что-нибудь изменить, так и для того, чтобы лицемерить.

О ДЕГРАДАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Боюсь, мой голос прозвучит диссонансом в общем оптимистичном хоре. Возможно, я сгущаю краски и, просидев четверть века в углу малой прозы, делаю поспешные обобщения. Буду рад ошибиться.

В уже далёких восьмидесятих Саша Соколов говорил про писателей-«деревенщиков», оккупировавших тогда литературный олимп, что они, продолжая традиции русских классиков, подражают реализму XIX века, но делают это гораздо хуже. Нужна ли копия в дурном исполнении? Как можно развивать эстетическое направление, уступая во всех отношениях стоявшим у его истока? Сегодня вопрос так больше не стоит. Уровень лексической культуры в современных произведениях настолько упал, арсенал художественных приёмов настолько оскудел, что не приходится говорить ни об их эстетической ценности, ни об изящной словесности как таковой. Судить их можно лишь по сегодняшней мерке, не вырывая из контекста сиюминутности, не прибегая к прецедентному праву. Кто из современников сможет написать «Тёмные аллеи»? «Скучную историю»? Или «Весну в Фиальте»? Я имею в виду не содержательную сторону, а чисто техническую. Мне известны несколько попыток, которые преподносятся как удачные, но они выглядят жалкой пародией. Конечно, искусство не терпит повторения, но оно – извечное состязание. И не только с современниками. Так Толстой подозрительно

часто ругал Шекспира, зато всегда хвалил начинающих романистов.

Ещё полвека назад в рамках одного временного пласта сосуществовали культурологическая фантазмагория Борхеса, магический реализм Маркеса, набоковская вязь, проза французских экзистенциалистов и телеграфный стиль Хемингуэя. Сегодня последний вытеснил всех. Может, он больше соответствует нашему энергичному веку? Может, метафоры излишни, усложняя восприятие? Безусловно, если отсутствует эстетическая составляющая. Тогда текст сводится к стандартам деловой переписки, а произведением искусства может служить собрание инструкций к бытовым приборам. Владение словом, составляющее, в сущности, сердцевину писательского ремесла, стало вовсе необязательным. Творец отчуждается от материала, сегодня он – Бог, лишённый глины. Этот общий закон для эпохи эстетического холокоста, который прячут за эвфемизмом аудиовизуальной культуры, с особенной наглядностью проявляется в живописи. Пикассо, Дали, кубисты, сюрреалисты, абстракционисты, так или иначе, продолжали линию предшествующей школы, пусть и через её отрицание. Даже Малевич, возвестивший «Чёрным квадратом» о смерти классического искусства, не разрывал с ним. Сегодня художник больше не ассоциируется с красками, а работает с совершенно новым материалом (впрочем, и старым, как мир, – невежеством!), предлагая платье голого короля, сшитое из инсталляций и перфомансов. Это «искусство» уже прошло точку возврата, отрекаясь от наследия прошлого, оно больше не ориентируется на полотна великих мастеров, замыкаясь в открытиях современников, точно искусство – это наука с её линейным прогрессом. В живописи мимесис победил традицию. Нечто похожее ждёт и словесность. Глобальное опрощение современной литературы отражает духовный тупик

нашей технократической цивилизации. Совершит ли она новый виток? Выйдет ли на качественно иную ступень? Пока мы наблюдаем очевидный спад, и как показатель – отсутствие интереса к высокому искусству. Масскульт подавил всё!

Сегодняшняя Россия, двигаясь в фарватере Запада, перенимает его ценности, его табель о рангах, в котором профессии писателя отводится место во второй сотне. Ещё Аксёнов, преподававший в американских университетах, сокрушался, что его студенты не понимают разницы между романом и сценарием, «Анна Каренина» воспринимается ими усечённой до комиксов, как материал для голливудского «мыла». Художественное слово, не вызывая отклика, отжило свой век. Значит, талант сводится к умению строить динамично закрученный сюжет? К отражению духа времени? Смелому употреблению ненормативной лексики и новояза? Но ещё Шкловский подсчитал возможное количество сюжетов. Время лучше запечатлевают газеты. А Набоков говорил, что из книг, где отсутствует художественность, впору сложить Вавилонскую башню. Какие задачи ставит перед собой писатель? Хочет ли он глаголом жечь сердца людей? Стремится ли он сделать их чище, нравственнее? Это раньше гимназисты, скучающие помещики и толпами бродившая по улицам советская интеллигенция, как подсолнухи, тянулись к свету, на который указывали властители дум. Их взгляды возвышались (и возвышались) над житейской мудростью, в их призывах философский опыт не отождествлялся с бытовым. И Набоков, и Борхес, и Маркес имели прекрасное филологическое образование. Выросшие на образцах мировой классики Бунин и Мережковский, широко эрудированные Белый и Вячеслав Иванов всю жизнь занимались самообразованием, а Толстой на старости принялся за иврит. Сегодня в век победившей демократии опасно казаться

умнее читателя. Первый удар по башне из слоновой кости нанёс пролеткульт (и это был нокдаун!), второй – масскульт (и это, похоже, нокаут!). Чтобы стать бестселлером, книга не должна возвышаться над стереотипами. Она не должна учить, ведь обывателю, как кролику, всё известно с рождения. И уж точно, что жизнь он знает лучше автора, избравшего такой неблагоприятный хлеб. Он голосует рублём и за свои кровные заставляет говорить с ним на одном языке. Так литература скатывается до ликбеза, книга – до букваря. Учитель в классе может ориентироваться на лучших, может – на середняков, а может – на отстающих. Выбор за ним. Только что с ним будет при власти учеников? Это Превьер ещё мог себе позволить кокетливое: «Уж слишком многим нравятся мои стихи, наверное, я плохо пишу!»

Бунин, Набоков, Шмелёв были прекрасными рассказчиками, виртуозами слова. Я перечисляю эмигрантов? Но и среди советских писателей был Юрий Казаков. И Шолохов. Был, конечно, и Федин. И Зощенко, вспоминая которого Бунин говорил, что дела у большевиков, видать, идут из рук вон плохо, раз такие у них писатели. Это по гамбургскому счёту. Он подразумевался и в словах, прозвучавших на Первом Съезде писателей: «Других писателей у меня нет!» Сейчас о нём забыли, сместив точку отсчёта. Сегодня быть популярным не мешают ни косноязычие, ни бедная лексика, ни отсутствие школы. Хочешь писать? Чего проще: пиши, как говоришь! Сойдёт под маркой непосредственности, детской искренности, трогательной неискущённости. Скажете, я говорю о масскульте, а не об элитарной литературе? Но где она? Её место заняли шарлатаны из лавочки постмодернизма, выдающие за высокий интеллект извращённую психику, претенциозные псевдокультурологи с детсадовским кругозором и политизированные бездарности под вывеской «нонконформизм». Я не думаю, что сегодня

были бы напечатаны, принеси их в издательство, не только «Воскресение» и «Смерть Ивана Ильича», но и «Сад расходящихся тропок», «Сто лет одиночества» или составленный сравнительно недавно «Хазарский словарь». Они не могли бы прозвучать, потому что читательский слой, способный их оценить, вымыт. А ещё в шестидесятых каждая интеллигентная европейская семья считала долгом иметь томик Борхеса, тиражи которого соперничали с Библией. А в СССР (к зависти Набокова) на кухнях обсуждали Сартра и Фолкнера. Теперь на дворе 451 градус по Фаренгейту, утончённые интеллектуалы вышли из моды – как представляется, бесповоротно. Кончилась эпоха исканий, уступив место эре нашедших, агрессивному серому потребителю, которому в слове «энциклопедия» слышится «клоп». Круг замкнулся, включив механизм самовыврождения. Низкопробные вкусы, как чудовище Франкенштейна, вызывают к жизни антиэстетические произведения, а те, в свою очередь, портят вкус.

А что Россия? Похоже, «золотой» и «серебряный» век, сопоставимые с ранней античностью, трагедиями Софокла и Еврипида, сменились варварством поздней Империи, поверхностными комедиями Плавта и превращением латыни в вульгату. Будучи не только идеологической, советская цензура поддерживала средний художественный уровень. С диктатурой рынка, установившей цензуру рекламных вложений, он катастрофически упал. Редакторы (если такие остались) пропускают несогласованные предложения, страницы пестрят стилистическими ошибками, фразами, точно составленными малограмотными, выводящими «мама мыла раму», – всё это признаки расхлябанного отношения к слову, его девальвации. Нет общественного запроса, нет эпистолярной культуры, нет естественного эстетического контроля. В эти три «нет» укладываются причины

угасания нашего ремесла, которое на глазах превращается в искусство золотошвейки. Это производная от глубинного процесса выхолащивания русского языка, не столько его замусоривания и вестернизации, сколько обскурантизации его носителей.

Чем может удивить читательский мир страна Толстого и Достоевского? Поставляя на книжный рынок невнятные, беспомощные произведения? Подражая волне подросткового фэнтези? Будто миру не хватает своих чачов палаников, роулингов и коэльо. Неужели это лучшее из написанного кириллицей? Впрочем, аналогично дела обстоят и за рубежом. К чужим реалиям всегда относятся с известной степенью допущения, прощая (или не замечая) многие несуразности. Перешагнув языковой барьер, иностранные переводы всё равно остаются загадочными, как вуаль незнакомки. Но уберите из них англицизмы, галлицизмы или ориентализмы, переложите их сюжет на российскую почву, и получатся книги, про которые Бунин говорил – их стыдно читать.

А писать?

ДЕТИ БОЛЬНОГО ГИГАНТА

Россия – это громадная территория, столпотворение племён, языков, обычаев – планета на планете. Что же может объединять этот Вавилон? Что может превратить его население в народ? В отличие от этнически однородной Германии или Голландии, где тесное соседство породило близость мироощущений, единый психотип, в России наблюдается огромный разброс в миропредставлениях. Спектр мнений и, как следствие, разногласий здесь необычайно широк. Педантичные немцы после двух поражений кропотливо восстанавливали государство – молча, без метаний и раздирающих воплей. Потому что в каждом немце заложен идеал Порядка, небесный архетип общества немцев, к которому надо стремиться. Они действовали на уровне инстинкта, подобно крабу, всегда ползущему к морю. Если германский дом, не дай Бог, разрушится в третий раз, они опять быстро его отстроят, как муравьи – муравейник. В России по-другому. Мы – ещё не остывший вулкан, мы – этнос бурлящий. Здесь святые соседствуют с отъявленными негодьями, бессребреники с барышниками, трудолюбивые пчёлы с закоренелыми лентяями. Здесь ещё не сформировались устои, мораль не успевает окостенеть после очередного перелома. Европейец знает, чего хочет, ему не надо ничего объяснять, *знание* коренится у него в генах, передаётся с молоком матери. У нас ничего подобного нет, мы – белый лист, на котором чернила не застывают, но – высыхают. Трагедия России – в непрестанных обрывах времён, превращающих её обитателей

в иванов, не помнящих родства. Поэтому нам так необходимо объединяющее начало – будь то православие, собирательство земель или коммунистическая утопия. Русскому человеку нужен миф, его иррациональность требует иллюзии. В этом и есть загадка русской души.

Шатобриан писал об американцах, как о людях закона, заменившего им мораль. Однако выдерните из США Американскую Мечту и статус Большого Брата – они тотчас рассыплются в горстку штатов. И уж ни в коей мере замечание Шатобриана неприложимо к России. Простое законопослушание не сделает нас счастливыми.

Нам, русским, приходится любить Родину не потому, что она хорошая, а потому, что мы устроены иначе, чем остальные, нас никто не поймёт, кроме нас самих. Однако нам всегда недоставало любви друг к другу, осознания того, что мы – одна кровь, один язык, одна культура. Надо почаще вспоминать, что абсолютное большинство на земле не читало Пушкина, не слышало о Толстом, не интересуется Достоевским. Неужели не странно, что о далёкой Америке мы знаем больше, чем о происходящем в нашей глубинке? Пока мы не любим себя, нас никто не полюбит.

Главный итог перестройки – уничтожение сакральной системы ценностей, размывание поведенческих ориентиров. Мы стали открыты всем ветрам, мы стоим в поле незащищённые и беспомощные, легко поддающиеся внушению. Мы добились свободы – свободы ветра на пепелище. Русские в большей степени, чем другие, внушаемы: неистребимая вера в слова кидает нас в крайности – от речей у нас или вырастают крылья, или опускаются руки. Сегодня нам явно не хватает искренних обращений, у нас дефицит ободряющих призывов. Наша беда не столько в отсутствии денег, сколько в безразличии, в абсолютной равнодушии к своей судьбе. Мы – посторонние, гости в собственном доме. Власть не

доверяет народу, народ – власти. И это явление – вечное для России. Ей всегда недоставало честности. Зато в избытке было лицемерие. И в обличии православного фарисейства, закончившегося междоусобицей семнадцатого, и под маской коммунистического двоемыслия. Теперь же, когда мы уверенно ступаем по дороге в никуда, нас продолжают усердно потчевать вязью слов, в которых истины ни на грош. События видятся лишь в сегодняшнем контексте – после нас хоть потоп.

А при таких взглядах он не заставит ждать.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА КАК РЕЛИГИЯ	3
«ЗОЛОТОЙ» МИЛЛИОН	6
НЕИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ	9
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РОССИИ.....	13
МЕТАФИЗИКА СТУПОРА	20
ИНТЕРВЬЮ С САМИМ СОБОЙ.....	26
ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗАБЫТЬЯ	31
ПО КОМУ ЗВОНИТ ОРУЭЛЛ	34
НЕЛЬЗЯ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ В ОСВЕНЦИМЕ.....	37
ГЛАЗАМИ ПРОСТОДУШНОГО/ <i>Интервью с г-ном N/</i>	41
ПИСЬМО БЕЛОРУССКОМУ ДРУГУ	47
МНЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НИЧЕГО НЕ ЗАВИСИТ	54
СУЩЕСТВОВАНИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ	57
ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТОРЫ	62
ОТ ХРИСТИАНСТВА К ЦИВИЛИЗАЦИИ	66
МИМЕСИС И ТРАДИЦИЯ.....	70
GO EAST!/ <i>Аргументация одной идеи/</i>	74
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ФЕОДАЛИЗМ	79
НЕВЫНОСИМАЯ ЛЁГКОСТЬ ВЫРОЖДЕНИЯ.....	83
КПД ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	88
НАМ ПРЕДЛАГАЮТ УМЕРЕТЬ	91
СТУПЕНИ МОНЕТОКРАТИИ	95
ИГРА В «КЛАССИКИ».....	100
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ	103
ОТНОШЕНИЯ СХОЖИХ	107
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ.....	111
РЕПОРТАЖ ИЗ БЛИЖНЕГО ОКОПА.....	115
ФЕОДАЛИЗМ С ТЕЛЕВИЗОРОМ	125
КРИЗИС ДУХА, ИЛИ НУЖНА ЛИ МИРУ АМЕРИКА	129
ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА.....	133
О ДЕГРАДАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	136
ДЕТИ БОЛЬНОГО ГИГАНТА.....	142

Иван Зорин

**ПИСЬМО
БЕЛОРУССКОМУ
ДРУГУ**

Редактор Е. Б. Александрова
Корректор Т. А. Шепелева
Дизайн и вёрстка М. А. Воденина

Подписано в печать 15.03.2011.
Гарнитура PetersburgС. Формат 60x84 /16.
Усл. печ. л. 8,5. Тираж 1000 экз.
Изд. заказ 2054. Тип. заказ

Издательский дом «Пегас»
119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13

Отпечатано в типографии:
ООО «Ваш полиграфический партнёр»
127238, г. Москва, Ильменский пр., д. 1, стр. 6